

СМЕНА

№14

ДВИГАЙ
посевную!

ПЕРВАЯ
ПАРТИЯ
УРАДА
ЛЕНИНА

без дела не стой

Темп большевистского сева утрой

Сводки Наркомзема говорят о недостаточных темпах общего хода сева по СССР. К 5 мая было посеяно 24.557,1 тыс. га—24,6 процентов всего посевного плана. Молчанские и деревенские ячейки комсомола учитывают первые уроны второй большевистской весны и мобилизуют все силы на быстрейшее выполнение 100% плана. Отставание в темпах сева—худшее проявление правого оппортунизма на ляртинке.

литературно-художественный и общественно-политический ежеквартальный журнал рабочей молодежи
ОРГАН ЦК И МН ВЛКСМ
Изд. ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

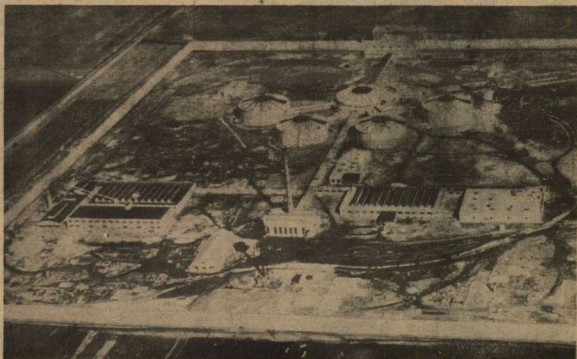
ответственный редактор С. КЭМРАД
заведующий редакцией И. ЮНПРОФ

художественное оформление
партии СТЕПАНОВОЙ

адрес редакции: Москва, центр,
большая Чернышевский, в. т. 5-67-03

Заключенные в тюрьме Джинолита, в Америке, не вынесли местного режима, взбунтовались, подожгли корпус тюрьмы-гиганта, разрушили склады и кухни. Но огнем пулеметов, газовой атаклой тюремщики заставили замолчать бунтарей, и снова тысячи человек погребены под тюремными сводами.

На снимке: вид тюрьмы Джинолита сверху

В кандалной бригаде

РАССКАЗ АМЕРИКАНСКОГО КОМСОМОЛЬЦА ДЖЕМСА

— Вот эти,—сказал человек с рыжими усами, ковыряя зубочисткой во рту. Двое полицейских загорлодили нам дорогу.

— Обоих?—спросил один из них, обращаясь к рыжему.

— Тот равнодушно кивнул головой.
— Ну, пойдемте-ка, голубчики, без разговоров,—обратился к нам полицейский, подталкивая меня за плечо.

Возражать было бесполезно. Мы с Джеком переглянулись и молча двинулись вперед. Полицейские пошли рядом. Рыжеусый пошел в стороне, не обращая на нас никакого внимания. Он шел чинно, как выполнивший свой долг человек.

Я заметил его еще во время моей речи на митинге безработных. У него были коротко подстриженные рыжие усы и какой-то особенный сверлящий взгляд. Помню, он подошел к шерифу, стоящему поодаль, и что-то шепнул, указав на меня. Шериф прищурился, поглядев в мою сторону и усмехнулся.

Я не обратил на это никакого внимания. В окружающей меня толпе каждый десятый состоял, вероятно, на службе местных сыских контор. Но тогда я еще не знал техасских методов борьбы с безработными.

В Техас я попал случайно в моих скитаниях по югу в тщетных поисках работы. Моя принадлежность к комсомолу, которую я обнаруживал при первом удобном случае,

факты, о которых рассказывает Джемс, не единичны. Подобные способы «ликвидации» безработцы применяют не только в штате Техас, но и в штатах Алабама, Миссури, Северная и Южная Каролина и др. Безработных, арестованных якобы за бродяжничество, отправляют не только на ремонт и стройку дорог. Они строят дома, работают в каменоломнях, на фермах и даже, как в штате Теннесси, в угольных шахтах, ликвидирующих городскую муниципальную в Петросе. Условия работы повсюду ничем не отличаются от тех, о которых рассказывает Джемс.

была достаточной гарантией того, что на некоторых фабриках меня даже не подпускали к воротам. В Сан-Антонио я находился уже около месяца, перебиваясь, как и другие, случайной работой за несколько центов в день. Я установил связь с местной коммунистической организацией и принял участие в подготовке массовой демонстрации безработных, назначенной на конец месяца.

Город переживал тяжелые дни. Новый начальник полиции открыто заявил, что «он» стит город от красной холеры. На фабриках велась форменная травля каждого сознательного рабочего. Районный атторней и судья публично заявили, что лучшая мера пресечения большевикам в штате—это суд Линча. «На виселицу негров и коммунистов»,—выли ку-клукс-клановские газеты.

Очевидно, я и Джек попали на «примету» и от нас хотели избавиться. Мы оба были почти сверстниками, Джек только чу-

точку моложе, оба были комсомольцы, оба были знакомы и с полицейской дубинкой и тюремной камерой.

— Интересно, на сколько нас закачают,—шепнул мне Джек, когда мы подходили к зданию суда.

— Да уж не меньше месяца,—ответил я. Полицейские улыбнулись. О, тогда я не знал еще дьявольской механики техасских судов.

Перед нами было трое, которым надлежало выслушать приговор судьи, сухого, зевающего джентльмена в очках. Двое из них, судя по виду, были безработные, как и мы. Третий был негр, батрак или фермер, один из тех индусов, что ютятся на жалких клочках земли по всему югу штата, обрабатываемые землевладельцами, правительством, трестами, поставляющими им сельскохозяйственные орудия, и шерифом, берущим с них взятки.

— В чем обвиняют подсудимые?—

Я поглядел на Джекa, а он на меня. Спорить с судьей было бесполезно. Машина правосудия работала, как часы.

Нас увели следом за негром. У выхода мы столкнулись с теми двумя, кто только что приговорили так же, как и нас, к трем месяцам в кандалной бригаде.

— Сколько? — спросил один из них, улыбаясь.

— По три каждого, — усмехнулся

Джек.

— А что такое кандалная бригада? — спросил я.

— Оба покажи голову.

— Если не сложим, то будет чудо, — махнул рукой первый.

Он оказался прав.

Нас доставили на место работ в одном из тех грузовиков, на которых обычно перевозят мешки с мукой, бочки или дрова. Всего нас было человек тринадцать пять, работавших на две бригады. В одной — семнадцать, в другой — восемнадцать человек. По крайней мере половина из них уже работала, когда привезли нас.

Место работы было дурно, которую надежнo провести от небольшого местечка, лежащего километрах в тридцати от Сан-Антонио, на юг, к границам штата. Несколько километров дороги были уже проложены. Оставший участок пути ждал наших неопытных рук.

Теперь нам на собственном опыте предстояло убедиться в гениальности техасских способов ликвидации безработицы. У городских самоуправлений, находившихся в положении банкротов, нехватку ни средств для исправления изношенных дорогих холмов штата, ни тюрем для все растущей кривой зарплат. И вот техасские власти нашли изумительный выход. Нет безработных в штате, а есть бродяги, сурово преследуемые американским законом. Гениально и просто: слишком беспокойные безработные, не желающие годовать молча, отправляются работать на обанкротившийся штат даром и без заботок. В Америке нет принудительного труда!

Работали мы самым первобытным способом, — рыли канавы, насыпали щебень, трамбовали все вручную. Подрачьи, выполнявшие работу, не заботились о машинах. У него были даровые рабочие руки.

Каждый из нас был в тяжелых ножных кандалах, соединенных между собой железной цепью длиной в 14 дюймов. С неприятки мы никак не могли расчитать шаг и то дело бугулялись взазад. Никогда за нами подрачьи, изнеживший, охунивший человек, с трудом переносивший техасскую жару. Он рискал, нервничал и придирался к нам ежигнуто. Кроме того, для нашей охраны к каждой из бригад был приставлен страж с двумя ошварями, специально тренированными для охоты на человека. В первый же день по прибытии сюда мы сразу познакомились с методами этой охраны.

Наш староста, работавший здесь уже около месяца и единственный профессиональный слобок¹ среди нас, безработный, не был законен. Это было кажется, единственной привилегией старости, и он воспользовался этой привилегией. Он бежал.

Мы видели, как он вдруг бросил лопатку и осторожно, то пользая, то и дело приняв к земле, то длинными прыжками, как кенгуру, побежал через поле. В полутьмоте выскочил от нас таяущая десь. Хобо предостерегла достигнуть его, не будучи замеченным ни подрачьином, ни нашим отдамачином в стороне стражей. Но он ошибся. Тюремщик заметил его. Мы с ужасом увидели, как спокойно он вскинул свою винилку, уже не припадая к земле, торopsis до бегаться до деса. Тюремщик выстрелил. Мы видели, как бежавший варуг взмахнул руками и подпрыгнул, как кошка, в воздухе. Все было кончено.

Потом его подобрал и закопал тут же в поле. Тем же лопатами мы рыли ему могилу.

Жили мы в двух небольших фургонах, построенных в виде клеток для диких зверей. Места в них было человек на пять,

но туда втискивали восемнадцать. Двем фургонам перевозили на лошадей — двух тощих горных кляч. На ночь ставились в лесу, миах в двух от места работы, в таком лесу, в духоте, в температуре около 30—40 градусов. Мы лежали вплотную друг возле друга поперец клетки. Наши воинские кандалы были соединены теперь длинной тяжелой цепью. Лежали мы прямо на грязной полу, подставив свои ладони. Теснота и сонная бродяга по полу, по стенам, падали с потолка.

Мы не могли спать. Рядом со мной в Джекoм лежал едва помещавшийся поперец клетку негр-фермер, получивший тогда в суде четыре месяца вместо трех. Он все время стонал и плакал.

— Мамми, мамми... Ты осталась одна

теперь.

Он был женат всего три года и имел уже трех детей. Все время я помню его убивающимся, что он не увидел их перед ламой, выходящей из нас физически не страдальщик ни от жары, ни от работы, он плакал как ребенок, когда вспоминал о мамми и о детях. Его арестовали потому, что его мамми понаравляла полицейскому сержанту. Он никогда не был бродягой. Он арендует несколько варок земли и работает, как все на ферме. О, он убье сержанта, когда вернется.

— Молчи ты, без тебя тошно! — кричал на него сосед, рыжий ирландец лет 40, отравленный сюда за то, что назвал полицейского, избившего женщину, кровным псом. Остальные в нашей бригаде были все молодые парни, арестованные во время очередной облавы на безработных.

Помню варуг ужасной крик, раздавшийся среди ночи.

Змея! Змея! — кричала кто-то. Мы вскочили, звеля цепями. Было почти светло, желтый диск луны висел над нашей клеткой, как тусклый фонарь. В углу мы увидели маленькую змею, заползшую сюда вероятно сквозь одну из многочисленных здесь щелей.

Она кишится сейчас, ребята, — шепнула молодому годугобалагый паренек из Канзас-Сити, недавно, как и я, попавший в Техас. Он был безработным уже восьмой месяц, а сейчас ему, как и нам, предстояло три месяца бесплатно мостить дороги.

Ирландец выскочил вперед, чуть не свалившись с ног. Тяжелая цепь оттянула нам кандалы и гремела. Змея, шипя, метнулась к нему, но он ловким ударом каблука размокнул ей голову.

Ночь продолжалась.

На утро нас всех вывели к умывальнику, длинному деревянному ямоубу вроде тех, из которых поят лошадей. Все умывались сразу в одной и той же грязной воде. Среди нас были больные, но ни подрачьица, ни нашу охрану это не интересовало.

Тяжело было работать на солнцепеке в пятидесятиградусной жаре. Многие не выдерживали, падали в обморок, отсылавали в сторожку, поливали водой и оставляли в покое до тех пор, пока человек не очнется. Потом его вновь ставили на работу. Многие из нас при этом часто пускались на хитрости и число обмороков неудержимо росло. Тогда сторож или стар был палкой каждого, кто падал, а без чувств, в силу неизбежного молчания и дежда без движения, его оставляли в покое, если же боль заставляла его инстинктивно дергаться или стонать, его тотчас же под угрозой лишних часов работы «приводили в чувство».

Кормили нас хлебом из гнилой муки и тулым мясом. Один раз мы устроили форменный бунт, отказавшись работать. Тогда нас страж пригрозил спустить на нас собак. Перед этой угрозой пришлось смириться. Нас окружали не люди, а звери, способные любого из нас застрелить на месте.

К концу первого месяца двое из нас умерли от солнечного удара. Двое были тяжело ранены. Их попросту оставили в лесу, обещав сообщить а ближайшему полицейскому управлению, чтобы их забрали. Было ли, однако, сообщено об этом, я не знаю.

равнодушно спросил судья.

— В бродяжничестве, ваша честь, — сообщила полицейский с роозовым, как у ребенка, лицом.

— Три месяца в кандалной бригаде, — зевая объявил судья, — следующий.

Следующими были мы. Но негр задержал на две минуты карцерный мет правосудия. Он бросился вперед и сложил умоляюще руки перед самым лицом судьи.

— Ваша милость, какой же я бродяга, когда у меня здесь ферма. Я женат, ваша милость, и у меня тро детей.

— Четыре месяца, — зевая, сказал судья.

— Ваша милость? — истошным голоом завыв негр. Но полицейские тотчас же схватили и увели его из комнаты.

— В чем обвиняют подсудимые? — спросил судья, не глядя на нас.

Полицейский, который привел нас, произнес слово в слово ту же формулу. Мы обинялись в бродяжничестве.

— Три месяца кандалной бригады, — сказал судья и сладко потянулся.

¹ Бродяга.

существует отделение...

ПЕСНЯ ПРО ДЖИМА

стихотворение
немецкого поэта
ВЕБЕРА

перевод
СЕРГЕЯ ТРЕТЬЯКОВА

рисунки
АВАИАНИ

Нетр Джим пришел из тропических мест,
В Нью-Йорк попал и в трамвай залез
От Гарлема на Манхэттен,
От Гарлема на Манхэттен,
«И чертня чернокожих!» — зыкала вокруг
Диментльмены, гордые цветом рун
И лосном белых маминетин.
Затрепал у Джимы ворот,
Обернулся Джиму город
Ударом мостовой.

Полисеян покосили: люди с белой кожей
Выстроили город и трамвай толпе,
На основании чего

Существует отделение
Для белых диментльменов,
Существует отделение
Для черных диментльменов
В трамвае,
В трамвае,
Валомии, ротозей,—
Существует отделение.
Кто не понял—того в музей.

В диниз-банде Джим играл для бар
И лучший бар был Джимин бар
От Гарлема по Манхэттен,
От Гарлема по Манхэттен.
Там пили диментльмены мудреную смесь
И фоны мудреные слушали здесь,
Тряса телеса на парнете.

«В кабака помойной яме
Подвывали бутылки:
«Па-уауу! Га-рчей!»

Деловито бевали и не слушали стих,
Истерый Джим сочинил для них
На тему — «Снизите, зачем

Существует отделение
Для белых диментльменов,
Существует отделение
Для черных диментльменов
В трамвае, в трамвае,
Отвратите, господа,
Существует отделение,
А вы виночерийа нут суда».

Пришла явилка и сурой явилон.
Бары запырили. Прислугой вон.

И Гарлем, и Манхэттен,
И Гарлем, и Манхэттен.

Джим ушел на юг, но влюбился в мисс,
Мисс была бела... и радвался визит
«Непр! етми! с белой!»

И безвинно весь облитый,
Сивовь ностер глуша молитвы,
Джим прорычал попу:

«Снизите, покаяйтесь. А белых госпо
и загробный мир построили! Да?
Послушайте, ведь тогда

Существует отделение
Для белых диментльменов,
Существует отделение
Для черных диментльменов
В трамвае, в трамвае,
Идушим из тут свет,
Существует отделение.
«Я не согласен. Нет».

Вскоре заболел и Джек. Он лежал в фургоне и стонал. Жажда мучила его и днем и ночью. Но сторож не позволял никому из нас оставаться с ним, и Джек лежал один, брошенный, как собака, в вонючей, кишачней насекомыми клетке. Прямо удивительно, как он остался*жив.

По воскресеньям и в дождливые дни мы не выходили из клетки. Наш сторож сидел подле, на лавке и иногда рассказывал нам о прошлом, о старых техасских тюрьмах. Раньше так заставляли работать только воров и убийц. «Но теперь много народу развелось, — говорил он, — вот и нужно куда-нибудь за девать. И дурь свою революционную забудете и государству польза...»

Однажды наш сторож, стоявший о мажик, порвал свою цепь и убежал. Как ему удавалось это, не знаю. Только вдруг мы увидели его бежавшим по полю с куском цепи в руках. На него спустился собака. Но должно быть отчаяние сделало его неуловимым.

Мы стояли вдоль дороги, глядя вслед ему, как зачарованные. Повторилась та же картина, как и в день нашего прибытия сюда, только лес на этот раз был ближе. К счастью для негра, у сторожа в данный момент не было ружья, он оставил его у себя в фургоне. Не мог же он предполагать, что кто-нибудь из нас может порвать железную цепь в людной местности. Тогда он, проклянная и ругаясь, спустил собак.

Помню, они кинулись вперед, как голодные волки. Собаки приближались с каждой секундой. Нетр остановился. Мы видели только, как он измакнул над головой свою цепь, когда одна из собак кинулась на него. Должно быть, он разожил ей голову. В следующую секунду мы уже увидели его в схватке с другой собакой, пытавшейся ухватить его за горло. Как тосковая по дому этот человек! Какой железной силой обладал, должно быть, его руки, если он мог задушить одного из этих огромных псов, мимо которых мы не могли проходить спокойно, даже когда они были на цепи.

Этого не предвидели наши тюремщики. Двух собак сразу. Наш сторож буквально выт от бессильной злобы, глядя вслед убегающему негру. Но мы ликовали. Это была картина, которой я не забуду всю мою жизнь.

Через два дня нам прислали второго сторожа и новых собак. Жизнь стала еще невыносимее. Мы обгорели, почернели, стали похожи на скелеты, обтупленные кожей. А дорога все удлинялась. Поездная укатанная дорога, по которой вскоре будут мчаться рокошские автомобили техасских буржуа.

Я не выдержал своих трех месяцев. К концу второго я заболел, и меня свезли в госпиталь, где я и провалялся до конца моего срока. А Джиму не повезло. Его укусила скорпион, и в госпитале в Далласе ему отпили ногу.

«Товарищи дзержинцы. Не вам, пролетариям-металлистам, топтаться на месте. Пусть топчутся трупы и малюверы. А вы должны пойти вперед и других за собой повести.
— Лучшие техники и специалисты, мастера, бригадир, старые надобные рабочие, учитесь сами и учите работать новых, молодых рабочих. Добейтесь, чтобы они овладели техникой, подтянулись до вас».

Из открытого письма рабочих Ленинградского тракторного завода «Красный путаговец» рабочим сталинградского тракторного завода им. Ф. Дзержинского

БОР ГАЛИН

Мастер формовки — он утверждал, что в 30 секунд, в которые летит металл по опалкам блока, металл стигнет... Он вникал, износившую землю, неправильно расставенную литейных и вклял поставить литейки, по которым металл пройдет в 15 секунд, не успев на-ходу застыть. Сталинградский завод ждал того дня, когда мастер погонит девяностопроцентный брак блоков круто вниз, к чорту из новой литейной.

На рассвете зажгли вагранку. У опок с блоками встал встревоженный мастер. Движением поднятых рук он просил краповичка опускать опки медленно, осторожно. Они выстроились в несколько рядов, затылок друг к другу, будущие блоки — корпус двигателя. А часом позднее раскрывались двери вагранки, и ковши с горячим металлом повис над черными опками. В 15 секунд мастер бросил наподлинть опку металлургам; в эти короткие секунды он ставил брак к стенке; но несколькими минутами спустя положение стало ясным. То ли металл остыл, то ли земля износилась, но брак не дрогнул... Опки стояли черные, с застывшим чугуном, безучастные к борьбе. Рядом с ними стоял неподвижный мастер. Пришноренный поражением, он всматривался в опки, раздумывая над причиной, сбившей все его расчеты. Поражение прошло литейную, разрушительным смерчем пронеслось сквозь линию механической обработки и сразу же ударило в большой конвейер. Лента конвейера дрогнула и застыла. На линии сборки двигателей остановились люди, —блоки ведь нет, ну и двигателя не будет...

Несколько раз впереди сызнова, но каждый раз процент брака по блокам оставался непоколебимым. А ведь на Путаговском заводе расшатаны устои брака...

На третьей линии сборки корпус трактора соединяют с блоком. В блок вкручивают шурупы трактора всаживают и закрепляют детали и части двигателя. Но если нет блока — нет трактора. Стоит сборка. Кто пойдет расчистить дорогу, проталкивать застрявшие блоки?

В ярном распахнутом пальто из темной каморки выходит секретарь партиячки Костя Каримов. Он обходит затихшую сборку; его останавливают люди, они показывают на верстаки: «Видишь, Костя, смотри! Где блок?» Не нужно говорить, — он видит огненную линию, тихо ругается и быстрым шагом приближается к верстаку слесаря Розова. «Вчера он хулиганил, пьянствовал, —озабочено думает он, —Я дам ему работу».

Слесарь нагибается и что-то усмешно шепчет под верстаком. Он слышит резкий голос Каримова: «Третий линия! Стоит. Ты знаешь?» — А мне что? — не подымая головы, ворчит Розов.

— Ты пойдешь в механическую, в поход за блоком, — твердо говорит Каримов. Розов молчит и вскрывает папку с пилосами.

— Проверь, — спокойно говорит Каримов, — проверь, Розов, может не дадут вам блоков, больше удаться поугать, подынять?»

Розов вытаскивает спички и читает: «Блок: Костя, легче».

— Скажи им — Каримов берет из рук Розова пилсеру и ждет огня, — что стране нужны трактора, блоков нет, сборка стоит, а вот пняники и прогудачники срывают выпуск тракторов (Розов усмешливо чиркает спичкой и Костя наконец закуривает).

— Верно, — бодро спрашивает Костя, — блоков нет?

— Да, — уныло соглашается Розов и сует папку пилсер в карман, забив закурить. — Ну, даи...

И Каримов уже спешит дальше, по фронту сборки.

В обиде слесарь Розов оставляет верстак и уходит в механическую на линию блоков. Он прохаживает мимо вытнувшихся в шеренгу станков, резцы которых меняют облик отлитого и необработанного блока. Вот на этом месте, на гидравлическом прессе соды воды проверяют крепость цилиндрических рубашек блоков. Если вода просыпалась, — дело дрянь, — значит где-то дрогнула линия, пропустила бракованные блоки. Что с ним скажет? Он созывает людей с блоковой линии и тревожно сообщает им, что третья линия послала его завать: «Стоит сборка...» Он молчит и не знает, что же дальше сказать. Ему поднимают шлык, он подымается и видит всех. «Блоков нет», — коротко добавляет он и замечает в толпе партийного секретаря Каримова и сердито спрашивает его глазами: «Что же дальше, забьешь?» Костя приветливо машет рукой, улыбается, словно хочет сказать: «Розов, ты отягач начал, продолжай. Розов смеется и выкладывает перед рабочими все, что есть в кармане: блок линии блоков.

— Конечно, — говорит он, — задерживать сборку преступно. Страна ждет тракторов, а тут — пожалуйста, — он разводит руками и возмущенно, искренно удивляется: — есть, ребята, — факт, они удаляются в сторону пнянки, симулируя, а сборка — ни с места!

Л И Н И Я Б Л О К О В

Кое-кто хочет выгородить механическую линию, но мастер Беов сердито машет рукой. — Ты не оправдывайся, — говорит он, — дескать, те виноваты. А мы? Дыры не дорезываем, слабо привертываем подпиршинки...

— Факт, — подтверждает Розов, — безусловный факт.
— А ведь верно, — соглашаются рабочие с механической линии. Но верно также и то, что и литейная виновата, какие влочки в блоках попадают, резцы ломаются и рубашки блоков дают течь. Что с ними сделаем?

— А вы најимайте, — уверенно говорит представитель сборки. — Так, мол, и так, — конструирует он линию блоков, — скажите им, плохо их формуете. Инду, му, кто гонит... А вы блоков мало даете, плохо их формуете. Инду, му, кто гонит... А вы блоков мало даете, плохо их формуете. Инду, му, кто гонит...

— Поход продолжается. В литейную, где блокуют дают жизнь, рабочих с механической ведет мастер М. П. Рететов. По нему слышно си сбрасывает синий халат и торопит делегацию: «Идемте, ребята, мы им все скажем». У затихших вагранок делегация задерживается и здоровается с Яковлевым, старым путаговским литейщиком.

— Что ж ты, Я. Яковлев, «влочки» нам загнйбешь? Рететов качает головой и лезет в карман за табачком. Он начинает поход дружески, дает закурить литейнику и говорит запросто: — Стоишь наша линия, ваш вокзал застрял, а без края блока нет ходу... Собирается вымазывать в земле Фроловички, заливаючи сбрасывает рукавицы и стират с лица пот, с колошников спускаются люди; приходят с шнхтского двора и окружают делегацию с линии блоков. Рететов качает курить, аккуратно давнот окурив каблуком и повышает голос, чтобы всем слышно было: —

— Стоишь наша сборка, отстаешь — наша линия, а вы нас задерживаете — линия блока. — продолжает мастер, — что в трудный момент нужно организоваться, а сейчас самый тяжелый момент, — шопотом подчеркивает он, — самый момент...

— Как дела у вас сегодня? — перебивает его литейщик Яковлев.

— Плохой урожай, 20 про. на испытание отсырел. Брак — в нашей шее, — говорит Яковлев. — Коск другой раз плохо засыпнешь, а выдает и холодный металл льешь, асье прохочно...

Сила соревнования сметает все заслоны на пути движения блока. А ведь начали, как и в сталинградской литейной, с 30 проц. брака, с пяти блоков в день, и вот уж формируют 180 блоков в сутки. Душил склятый газ; каменит и выдает холодный металл льешь, асье прохочно... Сила соревнования сметает все заслоны на пути движения блока. А ведь начали, как и в сталинградской литейной, с 30 проц. брака, с пяти блоков в день, и вот уж формируют 180 блоков в сутки. Душил склятый газ; каменит и выдает холодный металл льешь, асье прохочно...

— Жестко говорил специалист, — литейник на месте, не трогайте его. Приходили ударники, приходил мастер Рететов, линия блоков требовала высококачественных блоков. Без них ведь трактор не пойдет. Пробовали утошнить, а затем уменьшить литейку, все равно сымавало. Мастер Курушин не выдержал, он идет к начальнику и кладет на стол партбилет в кожаном переплете и зло говорит: — Когда край ступ партбилет, идет сплошной брак... «Чего же ты хочешь, — недоумоно спрашивает начальник и берет в руки партбилет, — твой? — Мой, — кивает Курушин, — оставляю у вас... — Зачем? — Под его ответственность разрешите переставить литейку, убрать их надо, — злобно говорит он, — погубит они нам блок... — Американец как? — быстро спрашивает начальник. Курушин отворачивается и молчит. — Возьми, — Курушин молча шатает из конторы. «Ладно, — бормочет он, — ладно...» Он ходил задумчивый, злой, но с некоторого времени повеселел и даже забросил опыты с передачей литников. А блок все был. Когда американец однажды не явился, Курушину сказали тонно: уехал в отпуск. «Уехал? — бормочет переспрашивает он, — ой-райт, и пошел лично удостовериться, действительно ли уехал стрейг американец. Ночью Готовую опку он проводил в залитку. Блок двигался по ленте конвейера, он вобрал в себя горячий металл и медленно ушел на очистку. Курушину подожда его. Фланец был в месте, с труя метала а не с блока его. Мастер Курушин вышел блок.

Навигация началась...

Пилот осматривает судно перед полетом

Опыт стал одна из машин, и штурман угрюмо смотрит на лаг, констатирующий явное уменьшение хода. С 15 миль мы скатываемся до 13, до 12, до 10. Михаила Петрович сегодня снова не будет спать ночь. Силы снова будут пропускать свою комсомольскую глотку отборной морской руганью, а третий пом, Андрей Федорович, опять придет к завтраку с воспаленными глазами и будет рассказывать о том, что было бы, если бы... Он—мастер просто говорить о вещах торжественных и даже страшных.

Но что из того? Вот уже из широкого Немецкого моря так швыряло в узенький, коварный, богатый рифами Ла-Манш, вот впереди забурляла, зашипела хрипые, подлые волны Бискайя. Два дня пути, и мы увидим южное солнце.

Захрипели, затикали десять тысяч винтиков и рычажков, заговорила вторая дизель, рванулась вперед с новыми силами истомленная от двойной нагрузки первая машина. Слова лаг весело отсвистывали мимо за мидель, и снова «Армения» яростно отбивает повторные атаки волн.

А после сотого удара машины по адской лестнице поднимается старший механик—грубый Андрей Моисеевич, иронически посылывает навстречу несущейся на него волне и опять предпринимает свою тысячу первую попытку заснуть, кончающуюся, как всегда, крахом. Утром он обязательно займет центральное место в пустой сегодня кают-компании! и, как всегда, будет весело отстричь над доктором.

Мы, действительно, совестный остров в Атлантике. Кусочек советской территории, на котором почти под самым носом у французских дозорных судов люди живут, работают и отдыхают по советским законам. Сто пятьдесят людей за 3000 километров от советских границ шепот по морям красный язык, неприкосновенный, как наш скромный движущийся клочок советской территории.

Михаил Петрович еще мог бы рассказать, как гуляли шкиперские и боцманские кулаки по лицам матросов. Андрей Моисеевич еще может припомнить, как он со своим брэнпелсом гонялся за бандами босых пачачей. Остальные ничего в этом духе не расскажут. Почти вся команда и значительная часть комсостава—молодежь, многие из них—комсомольцы. Наш второй помощник—комсомолец. На судне работает группа практикантов, принимающих морское образование. Это тоже в большинстве комсомольцы. «Армения»—не просто советский, но и комсомольский остров. Красный штандарт «Армения» несет комсомольцы.

Но как справляются комсомольцы с трудной и славной краснофлотской службой? Корабль—испытал два шторма—один в Балтике, другой в Английском канале. Первый «указал» многих, второй—значительно меньше. Пообвыкли.

Нашлись и симулянты—этой дряни везде достаточно. Одного пришлось снять с работы—совсем уже бессовестная симуляция. Но это, конечно, единица. Остальные указались всемер. Лежали, словно ягушки, и жалобно скудрили, рисуя себе всеские смертные кошмары.

Не то, конечно, плохо, что лежали. Морское дело вовсе не шутливое, не похожее на лубочные картинки приключенческих романов. Комсомолец, пошедший на корабль, должен же соблюдать всю свою волю, сжать губы, прикусить язык, но не пикнуть. Пусть знают все, чорт возьми, что комсомольцы не сдаются. Вой в машинном—ад, пекало, машины прыгают вверх и вниз, норовя отхватить человеку голову, едкий запах нефти асает в нос, слепит глаза, а металлик спокойно следит за своим черным чудовищем—и хоть бы что.

Держись, комсомолец! Если не уронишь за стариком, переносившим запахи всех морей,—ви чорта из тебя не выйдет. Комсомолец Литвинов выбыл из строя, секретарь

тять яички Гильденберг кракнул споронок—не выслапса—и занял его место. Когда сознание ответственности вьедается в каждую извилину мозга, в каждый мускул, тогда не укачешься.

Моряку нужна хорошая парусная школа, но она воспитывает, закаляет, а главное—приучает любить море: а без этого не может быть никакого моряка.

Как только кончился шторм, и пошли потешаться друг над другом. В слогне—пенне и говор, на палубе тренькает гитара и баладайка, на баке ребята под руководством старпома изучают морскую лагу. На капитанском мостике возятся со всеми приборами, постигают тяжелое штурманское дело. А в закрытой каютке стучат потихоньку стенозету. Достается в ней и капитану, и помощникам, и практикантам: всем сестрам—по серьгам.

Чуть-чуть улеглось волнение, и ребята уже наперебой стараются покрыть «прорыв». Взялись покрывать мачту во время серьезного волнения.

Так вот, волнение чуть полегало, и можно подводить итоги: во-первых, мы научились строить крепкие суда; во-вторых, нанли двигатели, при всех их дефектах, все же храбро справились с двумя «штормами»; в-третьих, у нас есть прочный кадр опытных, старых моряков, для которых море—родная улитка; в-четвертых, молодожки, промозгли как следует в солевой выде, кое-чему научились.

Хлам отсется, лучше твердо станет у руля, и наш советский корабль выдержит еще много штормов. выдержит с честью.

Страшный удар сбив меня с ног. Я поднялся и выбежал на палубу. Железные поручни согнуты в дугу, дубовая скамейка превращена в щепки. Морской гость весом в 1000 тонн легонько линул нас с борта.

Выдержали. Подумайшь—волна! Мы еще и не то выдержим, когда будет нужно.

На траве Дуара.

СИЛА ИНИЦИАТИВЫ

С. ЛЮБИТОВ

1

В шахтах остаются неразработанными миллионы тонн угля. Тонкие пласты угля десятилетия лежат неиспользованными. Современная техника не в состоянии обслужить маломощные пласты, не в состоянии заставить их работать на человечество. Угольные богатства одной лишь советской части мира требуют для своего измерения астрономических цифр, и все же в значительной мере сокращая, тапящиеся в недрах, остаются недоступными.

Несколько десятилетий назад генеральный английский ученый Вильям Рамсей нашел способ использовать маломощные угольные пласты. Идея английского ученого заключалась в том, что маломощные угольные пласты сжигаются на месте, в подземелии, в самых шахтах. Подземное сжигание утилизирует наибольшее количество угля — 57%. Сжигаемый уголь оставляет вместо себя окис углерода.

Здесь возможны два варианта. Или окис углерода по газопроводам подается к ближайшим шахтам и заводам и тут же сжигается в печах, или: окис углерода под землей, в шахте превращается в электроэнергию и по электрическим проводам подает ее на поверхность. Или — или. Но и тот и другой способ будет спичить подземные богатства, заставляя их раскрыться и служить человеку, вооруженному волей и техникой.

Такова схема рамсеевского открытия. Дмитрий Иванович Менделеев, великий русский ученый, в свое очертанье отдавал немало сил разработке проблемы подземной газификации.

Но Рамсей и Менделеев родились слишком рано. Два великих ученых выдвинули проблему гигантской важности, и проблему подняли к делам, как поднимают очередную входящую бумажонку. Зерно упало на неподходящую почву капитализма и поэтому не дало всходов.

Только один человек оценил в свое время значение открытия Рамсея-Менделеева. Со страниц большинства «Правды» восматривать лет назад прозвучали слова неизвестного журналиста, скрывающего свое имя. В «Правде» № 91 (250) от 21 апреля (4 мая) 1912 года в статье «Одна из великих побед техники» Владимир Ильич Ленин писал о гигантском, эпохальном значении идеи Рамсея, об открытии, означаемом технической революцией в одной из наиболее важных областей производства. Ильич писал, что способ Рамсея превращает каменноугольные шахты в огромные дистилляционные аппараты для выработки газа. Газ в дальнейшем превращается в электрическую энергию, стоимость которой благодаря тому сократится в пять-десять раз. Новое открытие высвобождает огромное количество человеческого труда, идущего сейчас на добычу и доставку угля.

Ильич в своей статье показал также, кому будет служить освобожденная идея Рамсея-Менделеева при капитализме и социализме.

«Переворот в промышленности, вызванный этим открытием, будет огромным.

Но последствия этого переворота для всей общественной жизни в современном капиталистическом строе будут совсем не те, какие вызвало бы это открытие при социализме.

«При капитализме «освобождение» труда миллионов горнорабочих, занятых добычей угля, породит неизбежно массовую безработицу, громадный рост нищеты, ухудшение положения рабочих. А прибыль от великого изобретения полагает себе в карман Морганы, Рокфеллера, Рабушинские, Морозовы — с их свитой адвокатов, директоров, профессоров и прочих лакеев капитала.

«При социализме применение способа Рамсея, «освобождение» труда миллионов горнорабочих и т. д., позволит сразу сократить для всех рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше. «Электрификация» всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, грязи и трясы, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавит миллионы «домашних рабынь» от необходимости убавлять три четверти жизни в сыростной кухне.

«Техника капитализма с каждым днем все более и более перерастает те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство.

При капитализме идея подземной газификации, осталась неиспользованной. Современный капитализм, монополизировав капитализм еще раз оказался преградой для технического прогресса.

Идея, рожденная несколько десятилетий назад, вошла в наши дни, как равный входит в общество рабынь. И комсомол города Сталина поднял рамсеевско-менделеевскую идею вверх, поднял силой инициативы и инициативы.

1

Комсомольцы города Сталина не читали Рамсея и Менделеева, но зато читали Ленина. А прочитав Ленина, они решили извлечь великое открытие Рамсея и Менделеева из пыльных архивов. Сталинская молодежная газета «Молодой робинзон» выступила застрельщиком. Комсомольская газета пришла к ученым своего города и попросила помощи, молодым горнякам в разработке проблемы.

Профессора и научные деятели города Сталина одобрили инициативу комсомола. Седые люди, читавшие не только Ленина, но и Рамсея, ответили комсомольцам, что идея подземной газификации вполне осуществима, что эта идея может поставить на службу социализму миллиарды угольных богатств нашей страны, что комсомольцы Сталина трижды правы, вытягивая большую идею из пыльных папок истории.

Такие вопросы не решаются простым поднятием руки. Комсомольцы спросили у людей науки, целесообразно ли в наших условиях осуществление подземной газификации, возможно ли оно, выгода ли реализация этой идеи стране строящегося социализма. И профессора ответили трехкратным: да.

Комсомол, взойдящий на кафедру науки, первое слово предоставил профессору горного института Бедову. Ответив «да», вы правы, профессор Бедов добавил, что проблема подземной газификации вполне разрешима, что ее разрешение даст возможность использовать угольные пласты толщиной менее 40 сантиметров.

На блемом листе бумаги профессор чертил какие-то непонятные линии, у окончания линий выводил жирные точки, надписывая у точек название шахт, где широко залегают каменноугольные пласты. Один белый лист специально по горному делу собрал весь угольный Сталинский район, и самые жирные точки оказались возле села Старо-Бешеево, Амросиевки, Харьциска...

У профессора большой опыт и большие знания. Он рассказал комсомольцам о шахтных пожарах, продолжившихся целые десятилетия, о технических приемах подземной газификации, о том, что делать, с чего начинать. Нужно произвести тщательную геологическую разведку месторождения, произвести проходку шахт и штрефов, быстро (с помощью экавстатора) регулировать доступ воздуха в свигаемые участки. Нужно тонкие технико-экономические расчеты, но уголь будет гореть, рождая газ, пока не горит весь участок.

Инициативу комсомольцев города Сталина одобрил и другой институтский деятель — один из руководителей Сталинского угольного института Писковатский Ю. Он сказал, что идея подземной газификации, воспринятая комсомолом, — идея мирового значения. До сих пор в плане практических работ, добычи или затем, — угольного института не было подземной газификации, но... теперь... после выступления комсомольцев... мы возьмем на себя разработку этой проблемы.

Последним за инициативу Сталинского комсомола высказался седой, как тулун, профессор Крым. Дважды рожденная, восхрипевшая комсомолом, наука Рамсея-Менделеева получила вновь горячую поддержку и одобрение. Профессор Крым — химик по специальности — взял проблему подземной газификации в химическом разрезе.

Комсомольцы спросили у химика Крыма, правильно ли они поступают, ставя на повестку дня новую технику проблему подземной газификации, и профессор ответил:

«Абсолютно, абсолютно правильно!

Комсомольцы поставили следующий вопрос: — Почему? Почему вы считаете, что абсолютно правильно? Тогда старый ученый рассказал, что реализация идеи даст возможность использовать неробочие пласты, увеличить энергетические ресурсы СССР, значительно удешевит их, и облегчит условия труда подземных рабочих.

Но в ученом победил химик, и профессор Крым начал рассказывать об огромных знаниях, приобретенных подземной газификацией. Вместо свигаемого угля мы получаем окис углерода; окис при надлежащей обработке может быть превращен в муравьиную кислоту и ее соли; окис затем может быть использован как гидрирующее средство при превращении угля в моторное топливо; окис, наконец, может стать средством для синтеза новых легких и тяжелых углеводородов.

Вотум доверия комсомольской инициативы был проголосован и на этот раз.

3

Когда поддержка профессоров и научных деятелей была обеспечена, когда комсомольцы добились дружбы и помощи лабораторий и кафедр, маршрут был изменен.

Нужно было разрешить новую задачу — заручиться помощью шахтеров и практичных работников шахт, опуститься в многометровую габунду, чтобы выйти на поверхность, ведя на буксире дружбу и помощь горняков.

И другие люди, совсем не те, что в лабораториях и институтах, люди, привыкшие к забойу и шахтным потемкам, слово в слово повторили оценки маститых профессоров.

— Шарудило, Бибченко, Казанов, Кострыкин и Ло ода работают в Заводской шахте. У пяти забойщиков сто тридцать лет горняцкого стажа, опыт который нельзя ни взвесить, ни измерить, и прекрасное знание своего дела. И все явное, когда комсомольцы спросили их мнения и совета, подумав, утвердительно кивнули головами.

см. стр. 14

все

пути

ведут
на

тракторострой

М. ПАВЛОВ

Они встретились в районной гостинице, в городке, начинающем забывать свое прошлое...

Может быть, эти два случайных человека и не узнали бы друг друга, если бы не помогли соседство, провинциальная скука и инструкция жильцам, написанная в церковно-назидательном тоне и воспринятая после определенных часов пользоваться человеческими чувствами и привычками...

Инструкция, неутомимо лишавшая людей смеха, деня и громкого разговора, заставила их вечерами говорить вполголоса о делах, о том, что привело их в этот хомодный ветряный край.

Один был представителем завода деревянных труб, другой, недавно вернувшийся из Сибири, приехал строить городскую трамвай...

Техника приезжала в город в чемоданах и портфелях, туго набитых проектами, на платформах товарных поездов, откуда тяжело ссадили на перрон динамомашины и дизели.

Город забывал свое уездное прошлое, которое было прошлым и асей страны...

— Итак, товарищи, кто же едет в Челябинск... На Тракторострой.

Это был последний вопрос. Надо было решить: или сейчас или, быть может, никогда.

Пять человек из толпы решили про себя—сейчас, и друг за другом смущенно дождались к столу...

Мартовский день дразнил весной. Они зашли последний раз в совет, где знакомый милиционер, сняв неуклюжую шапку, при меряя перед зеркалом новенькую фуражку,—была весна...

Пятеро простались с женами, отцами и детьми, вставали на плечи деревянных суидучки с мешками и тронулись на станцию.

В голове еще стоял туман от выпитой водки... Поезд. Суета. Десятки таких же красных и зеленых суидучков, лапти, пахнущие свежим дегтем салоги.

Боялись, как бы не проехать. Кто его знает... там чистое поле да снег. Одним словом, неизвестное место...

Они высказывали между собой эти сомнения, раскуривая самосад и поглядывая на мигающую вагонную свечу.

— Как нам на Тракторный?—спросил Черепанов проводника.

— Не торонись, друг, увидишь,—там многие сойдут...

Тракторострой. Люди зашумели, засуетились. Перед глазами снежная равнина, белые прямоугольники барakov, маленький корпус стекленными отверстиями.

По широкому снежному шоссе, расцветшему узорами автомобильных шин, бегут лошадеки, запряженные в козырные санки и неуклюжие розвалыи. Их обгоняет грузовик с толпой рабочих. Они стоят, держась друг за друга и прикрывая лица от встречного ветра, рожденного степью и быстротой.

Здесь никто и ничто еще не успели состариться; ибо этим постройкам от роду меньше года, а первые обитатели их каждый день встречают сотни новых незнакомых лиц...

Их привели к десятнику. Он водил новичков по просторным участкам, рассказывая об опытном заводе, похожем на молхобинате, о новых кирпичных домах, отстраиваемых для рабочих, о «Катерпилерах», о будущем этой равнины, где сейчас все кажется не-

прочным, сделанным временно, на скорую руку, ибо здесь много тес и мало кирпича и бетона. Он рассказывал о сорока тысячах тракторов, которые ежегодно должны давать будущий гигант.

Десятник говорил, — и это было не совсем правдой, — о том, что надо работать по-новому, что строить не нужны лодыри, что надо выше всего ставить интересы производства...

Пять человек, приехавших из деревни Урусоево, переглаживались, то недоумевая, то посмеиваясь... Многие же входило в их расчеты. Дома наказывали привезти побольше денег, не «мытариться», больше заботиться о себе, нежелезо о работе.

Трое рабочих из «старой» стоял на крыльце, покуривали и посмеивались:

— Поработают, тогда увидим, как они будут соревноваться... Поживешь — узнаешь...

Они улыбались, довольные своим скептицизмом и... бездельем.

В одиннадцать часов один из новичков — комсомолец Ярушкин — забесал в яезде.

— Ну, и сегодня, значит, не выйду...

— Как ты не выйдешь?

— Мне до грех только-только управиться... пообедать, отдохнуть в баню.

Ведь в твоем расписании четыре часа... Ярушкин не привал и «стемно». Он привал, все делать исподволь, потынуясь мудрым указанием российской пословицы — «попешнись, людей насмешишь»...

Новички, только вчера оставившие деревенскую лату, не могли свыкнуться с тем, что надо отдыхать в разные дни, раз в пяти-девять...

Урусоевские, михайловские, гренинские вывозили на воскресным гармонь, добывали семечки, «русачка» и заводили веселье.

Черепанов, сплывув на пол окурков, выводил «страдания» и пел надтреснутым голосом:

Сами, сами комиссары,

Сами председатели,

Никого мы не боимся —

Ни отца, ни матери...

Воскресный день проходил с гармонью, песнями, картами, водкой, и «чужая сторона» казалась им от этого более близкой и веселой.

Урусоевские, как и все остальные в этом новоотстроенном бараке, не чувствовали, собственно, за собой никаких преступлений. Они считали своим исконным правом воскресную гулябу и «несправедливостью» такой порядок, когда помогало отгуливать раз в пяти-девять, в первый попавшийся день...

Был в бараке № 31 человек, про которого одни говорили, что «он себя на уме», другие восхваляли его трудолюбие и добродетель. Ни роду его, ни звания никто не знал. По фамилии он числился Ильиных. Человек этот вставал раньше всех, утром потихоньку молился на образ, который затем бережно прятал в сундук, и временами писал письма, очевидно, родне. На еду он тратился всего два раза в день — утром и в обед. Поселковым старухам это нравилось и они ставя его славить на всех перекрестках.

На работе десятник всегда ставил его в пример. Ильиных держал себя, что называется, тише воды, ниже травы. В перерывы и в выходные дни он то и дело заходил в контору и рабочком, спрашивал, «что нового в газетах», и приносил с собой какой-нибудь блат — то МОПРа, то Осоавиахима...

Через 3 месяца Ильиных был премирован «за отличную работу». Он принес в казарму отрез сатина и «наградные» 5 рублей...

Его окружила толпа любопытных. Ему завидовали. Он ухмылялся, что-то бормотал, а вечером отправил домой посылку.

Казарма № 31 узнала слово «прогуляшки».

Утром, идя на работу, урусоевские и гренинские останавливались у туалета, где стояла толпа любопытных.

— АЙда, чего газлет-то... кино, наверное, объявлено...

Какой-то громкий голос читал:

— Черепанов, Ярушкин, Матвеев...

Подходи испуганно. Квадратная черная доска, знакомые и испуганное слово «прогуляшки»...

Кто-то весело заметил:

— Черепанов — это тот, который все с гармошкой. Доигрался...

Смех. Шутки. Обида. Позорище.

— Кто это написал? — кричала Черепанов, подходя к будке.

Крикнул и смутился, его встретил веселым гоголем:

— Гармошко-то что же не прихватил...

— Эй ты, запевала...

Он протиснулся сквозь толпу и побежал к казарме. В этот день на участке плотники его не видели, а утром, встав раньше всех, он отправился в рабочком. Двери еще была заперты. Он стоял долгие минуты, может быть часа. Потом, когда пришел председатель, он занюхал начал изливаться свои обиды... Он пришел жаловаться и не знал, как следует, что же он должен сказать, ибо «все против него, ибо «все» над ним издеваются»...

Председатель рабочкома, сам недавно работавший на участке, говорил с ним долго... Черепанов знал, что все, что он говорит, он читал и видел где-то на плакатах, которые его преследовали на каждом шагу, но из уст председателя те же слова выходили более простыми и убедительными.

Он возвратился к своей братке. На койке сидели обескураженные люди. Многие почувствовали, что теперь стадио идти на участок, что надо как-то все изменить, что надо быть такими «как все», т.е. как те, которые не попали в этот черный список.

В воскресный день почти вся казарма вышла на участок. Шесть человек, собрав пожитки, махнули ко дворам, заявив: «Здесь, видно, не разживешься»... Их отъезд никого не тронул.

Многие из них пришли на эту стройку с одинаковыми чувствами и мыслями.

Первая встреча с техникой, которую здесь представляли «Катерины», вызвала у новичков также одинаковые ощущения. Однако восхождение перед этой машиной не мешало им проявлять чисто хозяйственную сметку. Они хотели знать, много ль он увезет по сравнению с лошадыю, скоро ли он ходит и сколько горячего надо истратить на эту «машину».

Некоторые скептики покачивали головой, высказывая свои опасения насчет дороги:

— Он и путь-то весь искаржит...

В Челябинске все пути ведут на Тракторострой... Привели они сюда и того, кто приехал проектировать трамвай и того, кто был патриотом деревянных труб.

«Ветераны» стройки и новички увидели спокойного, улыбающегося человека в меховой шапке, который сегодня, когда снег еще крепко окутывал землю, представлял себе, где завтра начнут возводить насыпи, укладывать шпалы, где пройдет линия «электрички»... Он говорил об этом в построение и в управлении, но его слышали и о его замечаниях проектов знали и обитатели общестений.

Знали потому, что и трамвай и водопровод касались этой стройки, эти домов.

Когда эти незнатные люди вышли из построения, их окружила кучка любопытных, жаждавших в их словах увидеть завтрашний день своего нового быта.

И этот разговор помог окончательно зачеркнуть в сознании когда-то укрепившиеся слова «чужая сторона» — сторона незнатно становилась близкой, своей, нашей...

Челябинский тракторострой. Тракторный экскаватор роет туннель

Туманные предположения и наметки становились четкими проектами и планами, которые дожились на бумагу квадратами черных линий и колонками цифр. Строительная и посадная заводы деревянных труб перестали скучать, потому что были проекты, был март, приближалась весна и стройка...

В обед радилась новая весть. Обитатель казармы № 31 Ильиных, поучив новую премию, накануне вечером уехал в деревню, промывая, что там организуется колхоз, что его хозяйству придется кануть. Он покинул строительство, чтобы «спасти» свой пятнистый, оббитый тесом дом, кирпичный амбар, своих четырех коров, трех лошадей, своих овец и детей... Он был кулак...

Об этом говорили на митинге в обеденный перерыв, разговор об этом не прерывался целый день и обошел все барьеры и казармы.

Черепанов, Ярушкин и их сожители начинают забывать те времена, когда они целыми днями вылезали на койках и нависно гонялись за машиной, чтобы добраться в город и побывать «в кинь». Они исходят вадью и поперек просторные чебынские участки. Они знают каждый барак и каждую тропинку, ведущую на опытный или шакоботный завод.

Они сами точно не скажут, как с ними произошло это пе-

рождение, заставившее их забыть о своих красных сундуках, о домашних наказах, о буйных вечерах в казармах.

Работая на участке докостроительства, они видели, что они возводят эти кирпичные дома для таких же пришельцев, как они сами. Они знали, что в эти дома потом будут переселяться люди из землянок и казарм. На их глазах был создан первый «Катеринилер»... Это была реальная предвещатель будущей стальной армии тракторов. Это заставляло их сначала просто верить тому, что они делают не просто, а какое-то важное дело. Потом эта вера перешла в убеждение, в сознание.

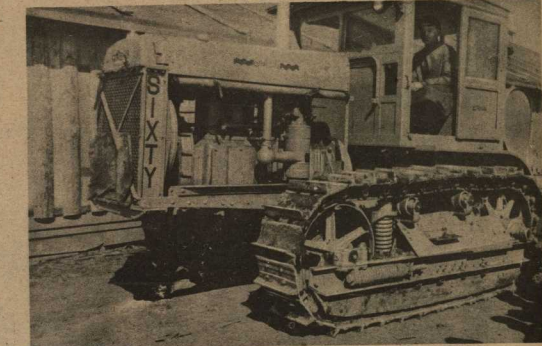
Перед первой семьей рабочего в кирпичный дом и появление первого трактора, сделанного руками своих же рабочих,—это были, пожалуй, самые яркие случаи, заставившие их по-иному взглянуть на стройку, на свой бат, на мир.

Стройка ожидала весной 12 000 ювочков, труд которых был нужен для роста гиганта.

Вы спросите о черной доске, той доске, где была начертана первая «бада». О ней сейчас стараются не вспоминать, ибо к ее поверхности давно не прикасалась человеческая рука.

Поверните линок направо—там есть доска другого цвета и назначения. На ней вы прочтете фамилии многих жителей казармы № 31.

Испытания собранной на Челябинском тракторостроительном заводе мощной цветной трактора для крупных хозяйств

сила

инициативы

см. стр. 11.

В маленькой компании партийной ячейки шахты была жаркая и серьезная беседа, заботливые разговоры о десятках неразработываемых маюмоных пластов, мимо которых проходили со шлемными сердцами, как проходит человек мимо золотых россыпей, которые «видит око, да зуб немей».

И в коллективной беседе родился коллективный ответ, который был сформулирован четко и ясно: нужно добиться скорейшего осуществления идеи подземной газификации.

В качестве экспертов последними выступили инженер Ковалев, инженер Тернигорев и весь комсомольский коллектив Дюнецкого горного института. Последний марширует, как и первый, увенчался успехом. Инженеры вместе с комсомольцами заявили, что осуществление газификации будет явным выражением исторического долга «болоняники должны овладеть техникой, что все и вся ложатся за подможку, что нужно быстро и решительно приняться за превращение хороших слов в такие же хорошие дела.

Подземная газификация—мировая проблема. В ней много неясного, много загаданных углов, много зашифрованных формул. Для того, чтобы раскрыть углы, нужно отгадать скрытый шифр техники, а для этого нужен коллективный ум, нужна коллективная воля.

Первый этап—собрание мыслей, отискивание друзей—был стадийным комсомолом пройден. Второй этап—эта коллективного обсуждения идеи. По инициативе комсомольцев было созвано широкое совещание профессор, специалистов, шахтеров и студентов.

На разрозненных листах сохранилась схематическая запись того, что происходило на совещании.

Идея воскресла. Генеральная идея, осуществление которой было невыгодным капиталистам, в стране социализма наша благодарная почва. Идею дебатировали на страницах сухих журналов, и комсомольского города Стадино перенес ее с теоретических высот на почву практической борьбы. Молодые ребята пришли к старым ученым и просили помощи. Тогда старые ученые Клям. Белов и другие включились в круг борьбы, чтобы успешнее над борью, чтобы увереннее была шаг ного подлинно социалистической техникой.

На этом совещании круг друзей расширился. Рядом с седым профессором Крымом сидел комсомолец, как назид вылезший из шахты, рядом с инженером Коганом находились молодые студенты, возле профессора Туларова, овладевшего высотами науки,—молодой

инженер Белков, инженер Прокофьев, доцент Розенберг, шахтеры, комсомольцы.

Совещание по вопросу о подземной газификации препарируется в дружескую встречу трех поколений науки: маститых профессоров, студентов, шахтеров и комсомольцев.

После этого сравнительно гадкая запись обрывается. Идут короткие, сухие тезисы, то, что можно назвать литературным сырьем: «Совещание заслушало доклад о подземной газификации. Докл.—молодой инженер Коган. Для себя: немного записки, в руках—несколько папок с документами и чертежами.

Были оживленные прения. Участ.—профессора Крчи, Меллер, Туларов, инж. Прокофьев, инж. Белков, доцент Розенберг, комсомолец Абраменко и др. (узнать, сколько всего выступало).

Все выступавшие в прениях поддержали инициативу комсомола. Единую приняли резолюцию. Все за подземную газификацию. Для себя: не забыть взять постановление совещания.

Вот решение, принятое единодушно всеми собравшимися: «Совещание профессор, научно-технических работников, шахтеров и комсомольцев считает проблему подземной газификации особенно важной, призванной поставить на службу социализму пока еще скрытую энергию угольных недр.

Совещание считает, что необходимо сконцентрировать научные силы для разработки этой проблемы в Сталинском районе, в котором больше, чем в другом районе Донбасса, научных кадров и лабораторий, и где есть достаточные геологические условия для того, чтобы широко применять опыты в масштабе шахт.

При Сталинской физико-математического университета нужно организовать отделение Всесоюзного орг. бюро газификации со специальными секциями.

Совещание считает необходимым, чтобы физия Всесоюзного угольного института привлекла соответствующих специалистов и разработала ряд заданий для шахтеров (организация наблюдений над подземными пожарами и другими явлениями, касающимися разработки проблемы).

В Стадино уже создано и приступило к работе оргбюро по подземной газификации. По почину стаинского комсомола разрешением этой проблемы сейчас занимается Всесоюзная академия наук. От великих ученых Гамсет и Менделеева через могавой фильтр Ильича в руки комсомола,—таков ход истории.

фото е. иванович

Практическое осуществление лозунга тов. Сталина об овладении техникой требует выпуска достаточного количества технической литературы. Каждый рабочий-ударник, передовой борец за профинплан, за технику должен быть вооружен технической книжкой по своей специальности. Успешно выполнить эту задачу — значит, прежде всего, создать достаточное количество кадров рабочих-авторов технической книги. Силами рабочих-ударников мы создадим нужную массовую техническую книжку для рабочих. Наши технические издательства должны решительно повернуться лицом к рабочему автору. Для этого требуется упорная систематическая работа издательства с автором, практическая помощь автору в процессе его работы. Наш лозунг — лицом к рабочему ударнику, передовому бойцу за технику, за темпы, за качество.

На снимках: сверху — выставка технической книги; внизу — консультация для рабочих-авторов в Московском Доме печати.

„Товарищ, одолжите идею“

ван. шапиро

У заводских ворот, опершись на выступ стены, стоит молодой рабочий. Глаза его безразлично скользят по веселой, хохочущей группе ребят, что-то горючо осуждающей. Видно, что он о чем-то напряженно думает.

- Серьжа!
- Ну, что тебе?
- Ты о чем задумался?
- Ну, ясно: выдумываю идею...

В заводском цеху у станка стоит здоровый, коренастый рабочий. К нему подходит некто и нарочно небрежно и как будто вскользь заговаривает о том, о сем — о производстве, о станке, о производительности, и, кстати — нелзя ли как-нибудь, что-нибудь сделать так, чтобы...

— А что это вас, собственно, так интересует?

— Да вот, идею какую дали бы...

Что это случилось с людьми на московском заводе «Электропривод»? Какой идеей одержимы они, что только и занимаются выдумыванием... идей? Это дано право заводским острякам перефразировать на свой лад пословицу: идея на идею сидит и идея погоняет.

Объясняется это очень просто. На свете висит короткий, не допускающий никаких возражений плакат:

Какой же ты ударник, если не состоишь держателем идеи?

На «Электроприводе» занялись вопросом о том, как повысить роль рабочей инициативы в борьбе за лозунг «однажды и переиграть» как привлечь наибольшее количество электротехников и производственным сове-

щениям, как лучше и больше сэкономить денег для пятилетки.

Так родился мысль: «Надо организовать массовый приток производственных предложений, при чем рабочий должен быть помимо всего прочего и материально заинтересован в продвижении своего изобретения».

Мысль оформилась так: «Заем идеи имени третьего, решающего года пятилетки».

Пробираясь однажды вперед, электроприводцы мысль свою не только оформили, но и наполнили ее живым полнокровным содержанием.

Для того, чтобы получить облигацию займа «Пятилетки» в четыре года, надо подписаться на определенную сумму и аккуратно вносить авансы.

Здесь получается несколько изобретов: вы вносите только какую-нибудь производственную идею, а деньги платите не вы, а платят вам. Но облигация имеет вид вполне солидный и заслуживающий полного доверия.

Этот документ содержит в себе: имя автора предложения, краткое изложение сущности предложения, размер полагающейся премии и срок проведения идеи в жизнь.

Облигация имеет два купона: по первому заводская касса обязана немедленно по предъявлении его выдать аванс, а второй также является денежным чеком, но деньги по нему получить можно лишь после осуществления предложения.

На заводе создана специальная тиражная комиссия в составе 11 человек, которая выдает облигации, рассматривает и оценивает предложения и один раз в квартал (3 месяца) производит розыгрыши.

«Здесь погребен золотой фонд рабочих смеялки».

«К ответу заминчиков рационализаторских предложений».

«Не БРИЗ, а похоронное бюро».

Десятки и сотни таких заголовок сжестател, забитого думающей о заводе, корпит часами над своей сокровишной работой, кончат ее, а в итоге — человек с портфелями, вредителя, спрятавшиеся в футляры, погребают труд рабочего-изобретателя.

Но и не только они: даже многие честные и хорошие работники искренно считают, что рассмотреть рабочее предложение в срок менее чем двухнедельный — невозможно.

Так пусть знают они, пусть знает весь СССР, что на «Электроприводе» предельным сроком для рассмотрения, изучения и принятия (или отклонения) предложения является двухдневный срок.

У нас есть заводы, объявившие себя ударными, но имеющие очень малое количество рационализаторов, изобретателей.

Московский завод «Электропривод» стал заводом сплошной ударности и изобретательства. Здесь все поставлено на службу этой цели.

«Некто», о которых мы говорили вначале, в самом деле появился на заводе. Это — передовые рабочие, инженерно-технические работники, прямое назначение которых «спровоцировать» на идею своевременным замечанием, острым вопросом дать толчок творческой деятельности рабочего.

Комсомольская ячейка, одна из значительней всех этого дела, организовала эстафету «займа идей»: кто больше выдумает?

Завком и тиражная комиссия обрости целым рядом идейных добровольцев: достаточно подойти к ним даже с сырой, еще не обработанной как следует идеей, как они моментально достают специальный бланк и немедленно приступают к оформлению производственного предложения.

Одним словом, все поставлено на службу тому, чтобы сделать каждого ударника-электротехника изобретателем, рационализатором, инициатором.

И вот здесь-то была поставлена жирная, бесповоротная точка под «теорией» о невозможности планировать изобретательскую работу. На «Электроприводе» ликвидирована возможность изобретения... порока или динамита (что иногда бывает с изобретателями), здесь изобретают в первую очередь то, что обеспечивает выполнение программы.

Не даром займу присвоено почетное наименование имени третьего решающего года пятилетки.

Именно поэтому каждый электроприводец взял на себя обязательство — дать за год не менее двух предложений, что в общей сумме даст не менее одного миллиона рублей экономии.

И еще одна особенность: «заям идей» непрерывно связан с походом за овладение техникой. Ведь для того, чтобы изобретать и решать сложные производственные вопросы, надо иметь какую-то теоретическую базу, какую-то подготовку. И это толкает к учеб-

«Заям идеи» получает широкое распространение. Им заинтересовались такие промышленные гиганты, как АМО, Электрокран, а Всесоюзное электротехническое объединение (ВЭО) решило перенести опыт электроприводцев на все свои заводы.

По этому поводу шутят: «Наш заем котировался высоко. И у других заводов появились идея занять займу идею».

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Пролетарии Советского союза обмениваются своим опытом, своими идеями между собой для того, чтобы во время притка к финишу: вить в четырех Пролетарии других стран присматриваются к нам, к нашим делам и идеям и упорно перенимают главную из них: мировой Октябрь.

Таким образом, заем пролетарских идей имеет хождение по всему миру. И все облигации и счета этого всенного займа — на «Электроприводе» и во всем мире — будут полностью и целиком оплачены.

СТАЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ

очерк ударника завода N
Анатолия Коцова

Морозная ночь. Тихо скрипят по холодному небу дуны. Во дворе завода стоит легкий шум мощного вентилятора. Три часа. В партолке еще светло и людно, в углубленной комнате за письменным столом, освещенным мягким светом электрической лампы, сидят: мастер Мелюхов со сборки и еще двое—один мастер горячего цеха, а второй—председатель цехкома. Тут же секретарь партолка. Это—штаб мартовского штурма.

В первых числах марта обнаружился большой прорыв мартовской программы, а значит и программы первого квартала. Целый ряд ошибок и недоучтенный до-са завод до этого прорыва. Парторганизация ударила в набат.

На собрании в заводском клубе, переполненном рабочими так, что балконы трещали, и казалось, стены вот-вот разорвутся,—было принято твердое решение: победить март, а с ним и весь квартал. Большевик-пролетарий принес своему слову. В отчаянной схватке с трудностями прорыва боролся рабочий салярного и сборочного цехов.

Дверь партолка отворилась с шумом, вошел человек, небольшого роста в кожаном пальто и ластичной шапке—это был Старшев, начальник штаба. Он четвертые сутки не выходил за ворота завода: вздремнет немного в партолке на диване, и снова работает. Нет, этот парень не спит, не даром на левой стороне груди красуется у него орден Красного знамени. Знает Старшев, что значит его завод для Красной армии, для обороны страны в момент ожесточенной борьбы классов.

С приходом Старшева все оживилось:—Ну, как дела там на сборке?—Вот! На большой палет с покрышкой,—весело засмеялся Старшев,—еще несколько дней—и прорыв ликвидирован... А, как тебе нравится, Вася? Григорьев сказал,—на страх врагам работают ребята!

— На страх врагам, это верно ты говоришь,—заметила Вася, секретарь партолка,—а вот у тебя глаза воспаленные и сам желтый, как лимон. Пошел бы домой, отдохнул, так и быть, без тебя обойдемся, а то смотри—чирт знает на кого похож стал...

— Ничего, Вася, это пустяки... Дай, прорыв ликвидируем, а там... Старшев действительно огаивнулся, будто хотел сообщить какой-то секрет,—а там... будем глядеть, чтобы снова прорыва не было.

Бес засмеялся.— Вы думаете, я один такой Кащей бессонный? А в цеху Савушкина со своей бригадой комсомольцев третий сутки на заводе не выходит. А вы сами чего не спите? Да никак не мы бы штурмовали март, а март штурмовал бы нас.

На следующий день в штаб сообщили, что бригада Белова свой монтаж по программе закончила. Это была первая победа. К 27—28 марта прорыв должен был быть ликвидирован. Но после второй победы, когда и следующий монтаж был готов, бригадир Зотов в обед созвал свою бригаду и сказал:

— Ребята, вот что, посовещаемся, что ли...

— Да ладно, давай без предисловий, в чем дело,—хорошо ответили ребята,—а то скоро работать.

— Так вот что,—начал Зотов, обводя слушателей взглядом своих острок машинных глаз.—Слыхали, ребята-то закончили свою работу, ну а наш цех, значит, как главный, то мы по плану должны закончить 27-го. Я предлагаю дать встречный план 26.

— Вот ты всегда выдумываешь!—забубнил силным басом Григорьев.—Раз 27-е, так 27-е, одним днем позже, одним раньше—ерунда.

— Ерунда-то ерунда!—разгорячился Зотов,—а вот 26-го кончить было бы лучше.

Согласились, приняли предложение: закончить 26-го.

Таких темпов, такого зитуанизма завод сроду не видел.

25-го утром на митинге рабочие предложили выпустить сверх программы машину Ири. Сталина и деньги внести в фонд постройки сквэдриллы тов. Сталина. На этом же митинге комсомольская ударная бригада вышла сверх того выпустить в четыре дня машину «Ворошиловец». Это заявление было встречено шумными аплодисментами. Рабочие и инженерно-технический персонал обещали помочь комсомольцам. Выпустить машину в такой срок и при таком количестве людей—дело нелегкое.

Утро 27-го марта. В цеху тишина. Только изредка пробегает кто в инструментальную за сверлом или за деталями на склад. Отчетливо слышно то усиливается, то замирающее жужжание электродрейел, где-то в углу помпунно слегка удает монокот.

У огдельных машин копошится группа людей в черных спецовах. В середине цеха, разговаривая полухотомом, стоя директор завода, секретарь ячейки и член штаба.

Берутся последние твердые мартовского штурма. Работа идет при большой напряженности. Ни на минуту никто не отлучается от своего поста.

Первой закончила бригада Зотова. Смущенно улыбаясь, Зотов доложил директору:—Кончили, но все же спасовала ребята мои, договаривались на 26-е, а кончили позже на 27-е часа. Вспоминает Григорьев, он все бубу-бубу и всегда так...

— Ну ладно, ребята, молодцы!—пожимая руку Зотова, ответил директор,—вы и так герои.

По цеху пробегал, ни на кого не глядя, старик Семенов, держа в руках охапку деталей, муфт, гаечек. Это он несет для сборки последних незаконченных монтажей. Старик, несмотря на свои 56 лет, быстро, по-молодецки взбирается на самолет и куда-то утонет. Через час он вышарури, держа в руках остаток деталей, ключей и плоскогубцев, прыгнул и тем же манером взобрался на второй самолет, снова опустился ко дну и снова вышарури, взбираясь на третий и последний. Из кабинки последнего самолета он вышарури медленно, как подводная лодка, поднимающаяся на поверхность воды. Проводя рукой по лицу, он старался вспомнить—не забыл ли чего-нибудь? Уверившись, должно быть, что все

в порядке, он медленно вылез из машины, прыгнул на пол и отошел на несколько шагов от самолета, блистающего своей красотой. Семенов долго любовался на вытанувшийся ряд стальных птиц. Непонятные чувства охватили его.—Эге,—подумал Семенов,—радость-то радость, но вот слезы на глазах—это уж ни к чему, не пять лет мне, совсем расцветешь самолету.

Что-то непреодолимо потянуло его к самолету. Ему хотелось обнять его, шекотнуть, как бывало сынишку своего шекотал, когда тот был маленьким. Но стальная птица, подняв голову вверх, гордо смотрела на своего создателя.

— Э... милый,—дзского проговорила Семенов, держась рукой за окованый конек пропеллера.

В одиннадцатый час тридцать минут досрочно был ликвидирован прорыв. Ровно в одиннадцатый час тридцать минут протяжно загудел заводской гудок и вместе с этим звуком медленно поднимался над цехом алое знамя—знамя борьбы и побед. Это был знак первой победы в третьем, решающем году пятилетки.

Вокруг знамени быстро собрался рабочий. На митинге взял слово Семенов, но от волнения он не мог начать. Наконец, набравшись сил, он начал свою речь не словом, а жестом. Дважды подняв руку, Семенов сказал, что ликвидирован прорыв ликвидирован и до срока, но это еще не все. Машину имени товарища Сталина начали собирать—значит надо кончить ее. Ну, а комсомольцы «Ворошиловец» собирать начнут сегодня, а мы обещали им помочь. Небось, забыли!

— Не забыл, ничего не забыл,—ответил несколько голосов.

— То-то ж,—успокоился Семенов.—Ну, а дальше надо глядеть, чтобы прорыва больше не было, довольно, будя, а от меня заявление вот...

Семенов вытаскил записанную бумажку из кармана и передал секретарю ячейки.

— Вот и примите меня в партию!

Заявление Семенова вызвало бурные аплодисменты и возгласы:

— Ай да старик, ай да Семенов!

Машина имени тов. Сталина была закончена 29-го числа. Блистая новизной своего паряда и красотой пропеллера, будто улыбаясь, она поглядывала на своего друга «Ворошиловец», быстро оперившего и рощего у нее на глазах. Машина дожидалась полного оперения своего друга, чтоб обним, взмахнув могучими крыльями, подняться ввысь.

КОМСОМОЛ ВЫРАСТАЕТ В ИНОГОВИМОНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ. В ЦЕХУ САВУШКИНА ЗАВЕРШАЮТ МОНТАЖ МАШИНЫ ИМЕНИ ТОВАРИЩА СТАЛИНЫ. НА ПЕРВОМ ПЛАТФОРМНОМ ТРОИКОМ ЗАВОДА А МАШИНЫ ДАЮТ 213 ЧАСОВ. НА ПЕРВОМ ПЛАТФОРМНОМ ТРОИКОМ ЗАВОДА А МАШИНЫ ДАЮТ 213 ЧАСОВ. НА ПЕРВОМ ПЛАТФОРМНОМ ТРОИКОМ ЗАВОДА А МАШИНЫ ДАЮТ 213 ЧАСОВ.

Затейники

евгений соболевский

В романе Ев. Соболевского "Нас пятеро", выходящем в издательстве "Молодая Гвардия", описывается жизнь ленинградской рабочей молодежи в период между VIII и IX съездами комсомола. Отырок "Затейники" относится к тому времени, когда ленинградская организация комсомола впервые объявила общегородской культход молодежи. После проведения культхода работа с затейниками не прекратилась. Из затейников стали создаваться затейнические бригады, а систематически проводившиеся смотри затейникам являлись могучим стимулом к развитию в Ленинграде складывавшегося искусства, которое в настоящее время наряду с Труном играет огромную роль в культурной жизни ленинградской молодежи.

Темными и долгими вечерами они слонялись по тихим улочкам Нарвской заставы, душили семечки, пели песни, собирались стайками у заводской ограды, занимались саможриткой, всегда непопулярной жестокой, но дружеской издевкой. Их была целая группа. И почти все они имели какую-либо веселую специальность: одни играли на гитарах, другие на балалайках, третьи умели искусно подражать пению петухов, которых слышали в детстве, или свисту паровозов, доставших их в Питер.

Когда раздался клич о затейниках, все они были смущены. Положение их на заводе надо сказать было не лучшим. Тут были и пьяные, и подкупальные и просто веселые вечерники.

Они были завсегдатями вечеринки, при чем никогда не разбирались, на какие вечерники их приглашали. Тут были и пляжные, и подкупальные и просто веселые вечерники.

Не спорим, вечерники тоже бывают разные, но те вечерники, которые проходили с участием этой веселой группы, почти всегда сопровождалась выпивкой, танцами, скандалами, и редкий из участников вечеринки на другой день являлся на завод.

Этой группе было все равно, где и почему играть. Ей хотелось только одного: проврать себя, показать во всю ширь, во весь размах.

Случалось, они забирались в клуб, собирали вокруг себя кучу ребят и начинали «проворачивать»—играть, рассказывать смешные истории, подражать пению птиц... Заведующий клубом,—и это случалось с ним нередко,—просил их уйти из клуба, он говорил, что они своей игрой пользы не приносят, а только мешают, и куча ребят вместе с этой группой уходила или во двор, или к какому-либо товарищу, у которого была комната свободной. Начинаясь... вечеринка и все с ней связанное.

Неудивительно, что когда сам отсек комсомольского коллектива произошел по всем мастерским завода и объявляя каждому из этих парней, что сегодня, мол, назначено их собрание, все в первое время смущалось до крайности. Это было так неожиданно, так внезапно. Их—на собрание. Что же с ними хотят делать? Выговор, исключение из комсомола?

— На какой предмет?—решительно спросил Петька Ульрих (португальская мандолина).

— А вот из вас мы затейников будем делать.

— Затейников?

— Что за странное слово!

А из них действительно начали делать затейников. Делали это быстро и решительно. Прежде всего сделали в клубе специальный вечер—смотри затейников. На этом вечере, насколько нам помнится, присутствовало одиннадцать человек:

1. Иван Носов—гитара гавайская,
2. Никифор Носов—гитара русская,
3. Александр Первов—балалайка шестиструнная, хохрошей работы, с перламутровой отсылкой,
4. Тая Стрелочка—бай,
5. Петька Ульрих—мандолина португальская,
6. Митька Пронин—мандолина итальянская,
7. Н. Ветров—джаз-банд (деревянные дочки, скворородки, бубны, тарелки, гребенки, газированная бумага и т. д.),
8. П. Варухин—подражание животным (плач петуха, кошачьи расписки, интермедия токарных станков, паровозные увертюры, художественный свист и т. д. и т. д. и т. д.),
9. Мишка Ульрих—песни (от «Клавочко» до «Буденного» включительно),
10. Анатолья Такафов—чететка и наконец

11. Матвей Брук—личность несколько загадочная. «Интеллигентный рецензент» называл бы его конферансом, менее «интеллигентный»—конферансе, еще менее «интеллигентный»—водителем, мы же просто называли его веселым парнишкой, парнишкой «на ять».

Итак, их было одиннадцать человек (впрочем, мандолина итальянская, кажется, испугалась и бежала).

Вечер этот начался несколько странно и даже необычным образом. Иван Сдобин—он же завлукбо—вадумал произнести речю о затейниках. Дать определение затейникам.

— Что такое затейники?—начал он свою речю.—Затейники это...—тут Сдобин понес определенную чушь. Он сам плохо разбираясь в этом слове (надо сказать, впрочем, что более или менее точное определение затейников наши только в самое последнее время).—Затейники это...—И к позору своему он начал весьма занятно и довольно определенно говорить о... Чемберлене.—Чемберлен—это не затейники,—говорила он.—Чемберлен, это наоборот. Красные затейники, только они одни и т. д.

Первое отделение вечера прошло неплохо. Каждый делал все, что мог, демонстрируя с клоуной сцены нехитрое свое умение.

Но самое интересное произошло потом. Заявлюбом сказал буквально следующее: «Товарищи! Что сейчас будет, этого я сам не знаю (заявлюбом не знает! Вы посмотрите)! Я, товарищи, в общем и целом снимаюсь вместе с отскром. («Да ну?» — нескрываемой радостью воскликнул Брук.— Вот здорово!). Второе отделение всецело предоставляется самим затеяникам. Все помещение клуба отныне переходит в распоряжение затеяников. Пушай они сами по своему усмотрению развлекают трудящихся публику, а как и какими способом—это их дело. Потому они затеяники!»

И под дружные аплодисменты всего зрительного зала он действительно смылся со сцены.

Затеяники, сидевшие тут же на сцене, за очень торжественным красным столом, удивились сами себе: вот они значат какие нужные, важные и самостоятельные! Затем один взглянул друг на друга, тряхнула головами и все, как один, прыгнули в зрительный зал.

Затем они, как бы сговорившись, разошлись по разным комнатам. Каждый из затеяников увезал за собой ту или иную группу. Кому нравилась шестиструнная балалайка—тот пошел за шестиструнной балалайкой, кому нравилась португальская малядойна—тот пошел за португальской малядойной, кому нравилась деревянные ложки, сквородки, бубны, тарелки—тот пошел за деревянными ложками, сквородками, бубнами, тарелками. Кому нравилась Матвей Брук—тот пошел за Матвеем Бруком.

Никогда не было такого веселого вечера в клубе.

Вот они на грузовом автомобиле. Их ждет на общегородской смотр затеяников. Автомобиль вздрагивает, спотыкается о колдобины московского шоссе. Но шофер веселый. Еще как тому назад слышал он все со склада, а теперь на своем неизменном грузовике слышит он пензю птиц, лихую «Бараню», «Ми на дождю катались».

Шофер рад, но затеяники смущены.

Общегородский смотр в Московско-нарвском доме культуры. Что это значит? Это значит, что в огромном зале, освещенном чорт знает каким количеством свечей, свыше 3500 человек будут смотреть на них, и только на них. Вероятно, будут речя (ах, эти речя!). Кроме того, было известно, что затеяников хотели сделать «счастливыми» (вам в люди пора выходить!—шутли завукнуть завкум).

Однако, если даже и шофер, vezий их, смутно представлял себе, что они будут делать на смотре, то сами они еще менее представляли себе это.

И вот они ехали к Нарвским воротам—все одиннадцать человек в одном грузовике, неловко теснясь у стенок. И смутно им припоминалось, что в обычное время они, пожалуй, сами с завистью глядели бы на этот грузовик, наполненный весельем и задором. А теперь им в свою очередь завидовали пешеходы.

Впрочем, завидовать было нечему. Ведь они пели, шутили и играли только потому, что им хотелось забиться или по крайней мере уверить себя в этом. Они часто сплывались, что должны будут так же петь, шутить и играть в огромнейшем зале. Они сплывались и затихали на время, но снова кто-либо затеял песню, заводал гармонику, изводил истомой гитару, неизменную сплывищу вечеринки, на которых так чудесно чувствовали себя ребята.

Им стало не по-себе, когда они вошли в зал. Это было место, к которому они не привыкли, которое подвывало их своим размерам. Все слушатели уже собрались и все глядели на них и—что не было заметно затеяникам—во взглядах каждого из глядевших можно было прочесть не любознательность, а некотороенисхождение. Все ведь знали: эта группа никогда не была в таком положении, только исключительные обстоятельства могли их сюда привести.

Они расположились рядом со сценой среди свальной груды декораций, и не успели опомниться от новизны и немыслимых раньше ощущений, как руководитель шоты томным голосом заявил, что сейчас будут показывать затеяников обществу им. Ленина.

Они замешкались у входа на сцену.

Кому выступать первым? Никто не хотел осмелиться. Наконец вышел на сцену М. Брук и отпустил несколько комических замечаний, и не успели опомниться от новизны и немыслимых раньше ощущений, как руководитель шоты томным голосом заявил, что сейчас будут показывать затеяников обществу им. Ленина.

Они замешкались у входа на сцену.

Кому выступать первым? Никто не хотел осмелиться. Наконец вышел на сцену М. Брук и отпустил несколько комических замечаний, и не успели опомниться от новизны и немыслимых раньше ощущений, как руководитель шоты томным голосом заявил, что сейчас будут показывать затеяников обществу им. Ленина.

Они замешкались у входа на сцену.

Кому выступать первым? Никто не хотел осмелиться. Наконец вышел на сцену М. Брук и отпустил несколько комических замечаний, и не успели опомниться от новизны и немыслимых раньше ощущений, как руководитель шоты томным голосом заявил, что сейчас будут показывать затеяников обществу им. Ленина.

Они замешкались у входа на сцену.

Кому выступать первым? Никто не хотел осмелиться. Наконец вышел на сцену М. Брук и отпустил несколько комических замечаний, и не успели опомниться от новизны и немыслимых раньше ощущений, как руководитель шоты томным голосом заявил, что сейчас будут показывать затеяников обществу им. Ленина.

Они замешкались у входа на сцену.

Кому выступать первым? Никто не хотел осмелиться. Наконец вышел на сцену М. Брук и отпустил несколько комических замечаний, и не успели опомниться от новизны и немыслимых раньше ощущений, как руководитель шоты томным голосом заявил, что сейчас будут показывать затеяников обществу им. Ленина.

Они замешкались у входа на сцену.

Кому выступать первым? Никто не хотел осмелиться. Наконец вышел на сцену М. Брук и отпустил несколько комических замечаний, и не успели опомниться от новизны и немыслимых раньше ощущений, как руководитель шоты томным голосом заявил, что сейчас будут показывать затеяников обществу им. Ленина.

Они замешкались у входа на сцену.

Кому выступать первым? Никто не хотел осмелиться. Наконец вышел на сцену М. Брук и отпустил несколько комических замечаний, и не успели опомниться от новизны и немыслимых раньше ощущений, как руководитель шоты томным голосом заявил, что сейчас будут показывать затеяников обществу им. Ленина.

Они замешкались у входа на сцену.

почему отступил КОМСОМОЛЕЦ СОТНИКОВ?

Заочившаяся недавно кампания по пересмотру норм и распок, сыгравшая огромную роль в деле поднятия производительности труда, для тов. Сошникова явилась серьезным политическим извращением. Экзистен этот комсомолец в цеху выдержал. На ряде предприятий комсомольцам, выдвинув встречные нормы в т. п., преодолевая отсталые, нездоровые настроения у некоторых прослоек рабочих, являлись застрельщиками в осуществлении этого мероприятия партии. Но одиознейшая кампания по пересмотру норм вскрыла и ряд болезненных явлений в союзе, неумевшие выдержать массы, вернее справиться с трудностями. Об этих являемых и говорит полученное редакцией "Смены" письмо тов. Сошникова. Товарищ, как вы относитесь к письму тов. Сотникова? Редакция ждет ваших отзывов.

дорогие товарищи из редакции!

Я очень прошу вас не печатать этого письма. Мне и так трудно в цеху. Если вы его напечатаете, мне будет еще хуже. Все будет указывать на меня пальцами, высмеивать и мне придется совсем уйти с завода.

Я пишу это письмо с тем, чтобы попросить вас дать мне личный ответ и помочь, разъяснить мне, что же делать дальше. Последние дни я хожу совершенно как потерянный, работа валится на руки, не могу ни есть, ни пить, ни читать. Из-за этой проклятой кампании я даже пропустил собрание ячейки и вообще стал каким-то пессимистом.

Дорогие товарищи, не думайте, что я какой-нибудь слюнтяй, маленький сыночек или интриг, который ходит и ноет, и сам не работает и другим отравляет жизнь.

Нет, это совсем не так. Я кончил два года тома назад фабрику, мне двадцать лет и я уже третий год в комсомоле. Я знаю, что сейчас нельзя пить и жаловаться, а надо работать и строить социализм.

Но то что случилось со мной за последние время, прямо мешает мне жить, и потому я обращаюсь к вам, товарищи, и прошу не разглашая моего имени объяснить мне, как быть дальше.

Я рассказку по порядку все, что случилось.

Завод наш небольшой, работает на нем около 800 человек. Все мы знаем друг друга в лицо, и если Петя Кисилкин подался в Трофимовым или написал и не вышел на работу, то уже всем об этом факте известно.

Комсомольская ячейка у нас—человек 100. Есть, конечно, у нас ударные бригады и социалистическое соревнование и всякие плакаты и лозунги в ячейке и столовой.

Кроме того, на заводе проводятся несколько бывших месячников. Они, правда, стоят у станков и тихо работают, как другие рабочие, но, когда надо, они себя показали.

Вот как все это началось.

Не так давно по заводу стали ходить слухи, будто всем рабочим снижают зарплату. Чем дальше, тем больше эти слухи росли. Кто-то даже пустил слухи, будто семнадцатый рабочий день, проведенный на нашем заводе, будет ликвидирован и на его место обротно качать 8 часов.

Правда, некоторые ребята из нашего цеха, например Сафонов и другие, объясняли рабочим, что это враки, но слухи не прекращались.

В мец состоялся общец собрание, на котором наш предзаводская ячейка доложила и объяснила, что никакого снижения зарплаты и увеличения дней нет, а есть решение партии и профсоюзом о пересмотре норм выработки, которые должны поднять производительность труда и помочь успешно выполнить промплан.

Я думал, что вот здесь на собрании и разгорится шум, и начнут вывешивать слухи. Но собрание прошло тихо. Только выступил Сафонов и указал, что ложно рабочие верят каким-то классово-враждебным слухам. Ему никто не возражал и собрание постановило приветствовать решение партии и профсоюза.

Так же тихо и спокойно прошло и наше комсомольское собрание. Мы приняли резолюцию, чтобы каждый комсомолец был встречником своим новым нормам в цеху.

Приядом с собрания, я много думал насчет решения ЦК. Я вспомнил, как говорил иногда мой сосед по станкам, и как Апарихина Грабин, Ударник, хвастался, что, если захочет, может на спор сделать две нормы в день. Я вспомнил еще и свою работу и решил, что выработку можно увеличить, не ожидая новых норм.

Так я и стал работать. Я больше стал указывать за своим фрезером, внимательно относиться к работе, подталкивал и стал обгонять цех.

Когда через неделю я добился постоянной выработки больше, чем другие, я заявил об этом в ТНБ и ячейку и вынул другие ребят по цеху.

Вызов принял Сафонов и еще двое ребят. В перерыве Сафонов подошел ко мне и говорит:

— Давид объединился в комсомольскую бригаду по встречному пересмотру норм и вывел весь цех.

Я, конечно, отказался, потому что я уже и так весь цех вывел и выше всех нормой даю. Зачем же чужими руками жар загребать? Я лучше буду без флюоризма на норму нажимать и вурчал остальные меня догонят.

Так я Сафонову сказал и мы разошлись.

В скором времени и началась самая волынка.

У нас вообще на заводе к хронометристам и работникам ТНБ очень не дружеское, злое отношение. Ребята, которых продвигают в ТНБ, прямо бьют.

— Ради бога,—говорит,—что хотите сделать, только не в ТНБ.

У нас ТНБ называют даже—тати нашего брата.

Ну вот, когда мое заявление рассмотрели и хронометристы начали выяснять, как другие станки работают,—случился скандал.

Рядом со мной работает Анникев, молодой парень, он с год как на завод пришел. Когда хронометрист от меня пошел к нему, Анникев сначала все отворачивался, спину показывал, а потом обнулелся и как закричит:

— Что ты, словачь проклятая, над душой стоишь!.. Последнюю копеечку от ты вываскаешь!—И пошел, и пошел.

А я Анникеву объяснил, что из деревни до последнего времени посылок получал и все туда монету переправлял. Об этом все в цеху знали, но никто не дал ему отпора. Наоборот, все добродышники станки, собравшись вокруг в кучу, стали кричать, ругаться. Неработники, хронометристы перестали поблещивать, а сму на вырuchu уронились. Сам тоже в ответ стал кричать: "Сволочи вы!—кричу, шкурники, рвачи! Поругались мы и тем и кончили."

Но вот с того дня в цеху на меня начал коситься. Некоторые даже свои, из ячейки, комсомольцы отворачивались, не разговаривая, руки не подают, будто кто рублей украд или убил кого.

А дальше пошло еще хуже.

ТНБ признало, что моя повышенная против других выработка вполне возможная и нормальная, и разработала нормы для всех станков.

Вывели в цеху проект норм. А проработать с рабочими в цеху, потяжковало об этом как следует—не догадались или не собрались. Не знаю.

Наверно думали,—раз на собрании все были, значит, можно без разговора дальше действовать.

А по цехам кто-то шептался, кто-то шущивался, шуточки пересбрасывал. Под шумок кто-то тихо орудовал. Это и дало себя знать. Как только объявили проект норм, вдруг забегали наши бывшие меньшвики, затревожились.

Пряжухо я на другой день на завод и узнаю.

Десять рабочих подали заявление в фабком с отказом от новых норм. И под давлением, кроме других, подались двух комсомольцев: ударника Грабина и еще одного парня—Трофимова, он в комсомол месяца два как вступил.

Наша ячейка вместо отпора, вместо того, чтобы разъяснить рабочим, на какую контрреволюционную уловку они попались, вместо того что технически проверить нормы, стала торговаться.

Честное слово, товарищи, по цехам мастера с рабочими из-за норм торговаться начали. Пошла волынка по заводу.

Я же продолжал себе работать, как начал, и все время держался на высоких показателях.

И вот diez через пять после этой волынки я как-то задержался на заводе. У меня нагрузка—председатель профкомиссии. Вышел я с завода, когда стемнело. От завода, чтобы выйти к трамваю, надо пройти небольшой такой переулочек. Фонерай там нет, и переулочек от этого выглядит очень мрачно. Томько завернул я за угол и пошел по переулочку, как сейчас же слышу за собой шаг.

Сначала не обратил внимания. Думал, кто-нибудь из наших тоже домой идет. Потом слышу—шаг замедляется, человек меня обогнать не хочет.

Обернулся. Не узнал сначала в темноте, потом разобрал—Анникев.

Он остановился, как будто решая что-то, потом шагнул ко мне, подошел совсем близко и начал:

— Славый, Сотников. Был ты парень, как парень, настоящий рабочий. Всегда за рабочих держался, и мы тебя любили. А теперь ты видишь, что делается. Из рабочих последний под выкинули. Нормные такие хотят дать, что не выдержать им. Твои товарищи не могут норм этих выдержать, а ты один против цеха допота жмешь, выслуживаешься, вперед заскакиваешь. Брось Сотников. Нормные такие хотят дать, что не выдержать им. Твои товарищи не могут норм этих выдержать, а ты один против цеха допота жмешь, выслуживаешься, вперед заскакиваешь. Брось Сотников. Нормные такие хотят дать, что не выдержать им. Твои товарищи не могут норм этих выдержать, а ты один против цеха допота жмешь, выслуживаешься, вперед заскакиваешь. Брось Сотников.

Тихо говорил со мной Анникев, так по-отечески, рассудительно. От этой рассудительности меня аж забесело.

— Во-первых,—отвечаю,—ты мне не товарищ. Ты кулаку товарищ, а во-вторых, Анникев, ты сам эти штучки брось! Я норму

Над льдами карского моря

Летчики-наблюдатель А. Петров

Уже несколько лет подряд над полярным, обледеневшим льдами Карского моря летают советские самолеты, зорко следя за движением льда. Летчики по радио сообщают капитанам ледоколов о наиболее свободных от льдов маршрутах, по которым и проходят иностранные суда. Эти суда везут машины для Сибири, Урала и Казахстана из зарубежных портов в новые советские полярные порты, что выросли на берегах рек Енисея и Оби, около полуострова Ямала.

Сотни тысяч тонн консервов, кожьсыр, жмыхов, льна, пушнина и леса увозят в своих трюмах иностранные пароходы, отправляясь в обратный путь.

Эти ежегодные карские экспедиции «Комсеверпутя» уже буквально немалыми без участия самолетов. Последние оказали неизмеримую услугу в расширении наших торговых операций. «Комсеверпутя» и в дальнейшем будет широко пользоваться самолетами не только для разведок льдов, но и для организации экспорта пушнины воздушным путем.

План работы 1930 года требовал переброски на Карское море трех самолетов. К весне этого года на побережьях Карского моря вырос целый ряд предприятий «Комсеверпутя». Был построен первый ледокопильный завод и близилось окончание постройки двух более крупных. В районе реки Курейки была значительно расширена выработка графита, закончен и пущен в ход консервный завод с ежегодной производительностью до двух с половиной миллионов банок консервов ценных рыбных пород. На местах, где раньше были два-три жалких домика, выросли целые поселки с электростанциями, радистами, органами самоуправления.

Наш экспортно-импортные операции настолько тогда возросли, что от далеких берегов Европы сюда направлялась целая флотилия в 50 морских судов.

К 12 июня команда самолета тов. Чухновского прибыла в Иркутск, где в это время находился самолет «Дорнье-Валь», совершивший зимой перелет из Красноярска в Иркутск. Как известно, этому самолету типа летающей лодки приходилось взлетать в Красноярске с мерзлой почвы. Поэтому прежде всего пришлось принять за срочный ремонт, с тем, чтобы своевременно доставить его в Карское море.

По плану было намечено организовать две летные группы—восточную и западную—для обслуживания соответствующих районов Карского моря, имея базами: первой—остров Диксон, и второй—бухту Варнека на острове Вагаж.

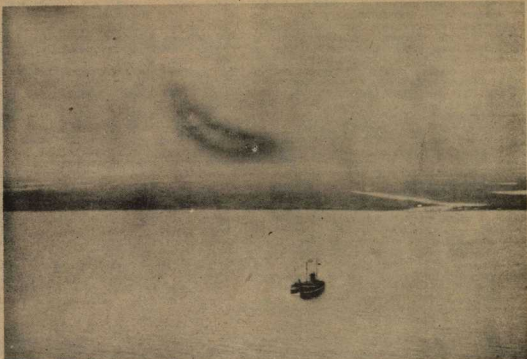
За 25 дней ударной работы командой Чухновского ремонт был закончен.

В это время караван иностранных судов уже миновал норвежский порт Харштадт и приблизился к советским видам, а ледоколы «Малыгин» и «Ленин» уже вступили в Карское море.

Первого июля, следуя капризным извивам живописной долины Ангары, самолет «Комсеверпутя 1» вылетел на север.

Экипаж самолета состоял из командира Чухновского, второго пилота Доронина, радиста Тюнина, механика Квяжковского и трех пассажиров.

Через 21 день самолет «Комсеверпутя 1» после ряда посадок пересек Полярный круг и прибыл в Игарку—будущий порт мирового значения. Еще год назад на этом месте был только маленький поселок в 8-10 домиков. Сейчас здесь кипит жизнь. Выстроен ряд заводов, рация, лесопилка и целый городок на 2000 зимовщиков.

После Игарки самолет прибыл в Усть-порт, селение с радиостанцией, расположенное неподалеку от Енисейского залива Карского моря. Здесь, в 800 км. к северу от Полярного круга, увидели красные летчики Усть-Енисейский порт, выросший среди болот и тундр.

Отсюда предстояло совершить первый разведывательный полет, чтобы известить о состоянии южного участка Карского моря капитанов подошедших сюда ледоколов.

Взяв курс на Гольчиху, самолет пересек Енисейский залив, направляясь к острову Белому, обследовал Обскую губу и пошел на северо-восток, на базу—остров Диксон.

Перелет был блестяще выполнен. Летчики сообщили, что оба залива и устья рек Енисея и Оби чисты от льдов.

Немедленно по прибытии на остров Диксон команда самолета, устроившись в жилищах и назвав связь с заведующим местной рации, начала готовиться к более дальним полетам над Карским морем, чтобы до появления иностранных разведки дать полную картину Карского моря.

В скором времени был совершен первый ледовый рейд на север Карского моря, приблизительно до 77° сев. широты, во время которого выяснили, что ледовые условия 1930 года необычайно благоприятны для проведения карской экспедиции.

Все дальнейшие разведки совершались при скверной погоде. Лишь изредка было видно

солнце. Погода без тумана, а лишь с дождем и снегом,—идеальная погода для здешних мест. Чаше же всего морская поверхность была покрыта туманами, а сверху свистело снежная буря и одновременно лилась потоки холодной воды.

Для того, чтобы «перелететь» эту приятную смесь, необходимо набирать большие высоты,—обычно приходится сплывать на высоте 5—10 м. от воды,—а это отразится на результатах разведки. Представьте при этом риск столкновения с водной поверхностью и все могущие произойти от этого последствия.

Тем не менее, невзирая на тяжелые условия, команда самолета провела еще ряд летовых разведок, указав ледоколам и непосредственно капитанам иностранных купцов легко проходимые места. В результате этой работы пролетарское государство получало громадную экономию. Ведь один сутяк хода ледокола только по пережогу угля стоит шесть тысяч рублей. Конечно, из этого не надо делать заключения, что ледоколы не нужны в условиях плавания в Карском море. Но уже на основании результатов экспедиции 1930 года выяснилось, что для провозки всего каравана судов при использовании воздушной разведки достаточно одного ледокола.

Ледовые разведки в основной части уже были закончены и тов. Чухновский решил совершить намеченный им ранее перелет к Северной земле.

Весь конец августа и начало сентября, вследствие временного ухода с базы и ремонта первого самолета, восточный район Карского моря обслуживал самолет «Комсомоверь» под управлением летчиков Иванов и Страубе.

Этот самолет прибыл 20 августа на остров Байга в бухту Варнека и в ряде полетов исследовал западный район Карского моря, летал вдоль Новой Земли до северной ее оконечности. Теперь «Комсомоверь» 2-совершила ряд новых полетов. Значительные материалы, полученные в этих полетах, немедленно передавались по радио руководителям Карской экспедиции и капитанам отдельных ледоколов и пароходов. Одновременно производилась съемка островов, отдельных районов Карского моря, берегов и льдов, плавающих в море.

В конце полета «Комсомоверь» поручил команде самолета сделать полет на реку Юрибей, что впадает в Гидовский залив, расположенный между Обской губой и Енисейским заливом.

Дело в том, что каждое лето и осень в районе Гидовского залива скопится большое количество туземцев (остяков, юрак и др.) со стадами оленей. Умчатая интерес этих народностей, «Комсомоверь» от-

крыл здесь факторию для обмена пушнины. В 1930—1931 году было решено оставить на фактории зимовщиков, которые и были доставлены сюда вместе с материалами для постройки домов и плотниками на пароходе «Мейссер».

Пароход ушел, а три плотника, окончив работу, остались на фактории. Однако, по уговору, их было необходимо отправить за счет «Комсомоверья» на родину. Перевозка оленями из обычного расчета по 6 оленей на человека оказалась бы очень дорогой: с таким видом транспорта уже сейчас успешно конструирует самолет. Поэтому было дано распоряжение переобрести плотников воздушным путем. Одновременно было приказано обследовать дельта фактории.

Мы вылетели в дождь и туман, полет был очень труден. Карт этой дельты в мире местности не существует,—приходилось руководствоваться только кроками, которые любезно предоставил капитан парохода «Мейссер».

Легкое время бауждал над бесчисленными протоками реки, уже случайно в тумане увидели летчик створный знак, легко видимый с воды, но плохо различимый в туманном воздухе.

Пройдя еще 20 км., мы совершили посадку

на берегу реки, текущей среди голых уналоу тундры. Однако, это превращало богатое место Севера. В реке Юрибей водится самая лучшая порода дорогой «делкатской» рыбы нельмы. В скором времени пловучий завод «Комсомоверья» будет мастерно заходить в воды Юрибей.

Мы наладили зимовщикам радио и на другой день усадили в самолет «отцов-плотников», прованных так за их солидарность и необычайно длинные борды. Они заблаговременно и спокойно устанавливали свое имущество (немного имущества—«шнурок со струнотом, да мешочек с хармом, да вешишки в сумдушке,—этак кило по 100 на каждого), но когда заорали моторы, один из плотников перекрестился и с хладнокровным отчаянием влился в края кабины пассажира.

А потом основали и по прилете на Дискон предлагаем даже лететь с нами вверх по Енисею.

Со времени полета на Юрибей полеты на базе прекратились. Суда Карской экспедиции, слав импортные грузы и забрав экспорт, пошли за границу. Ледовая разведка самолета западной группы и последний полет летчика Иванова обеспечил иностранным кораблям благополучный выход из Карского моря.

Шахматы

партия № 1.

„Сицилианская“.

Бьясе: С. Косолапов. Черые: Г. Давид. Играла в чемпионате Казани (1925 г.).

1. e2—e4 c7—e5
2. Kg1—f3 a7—e6

Это начало носит название „сицилианской партии“. На втором ходе черные чаше играют 2... Кс6, но можно и е6 (как играл когда-то Ласкер).

3. d2—d4 e5—d4
4. Kf3—d4 Kg8—f6
5. Kb1—e3 a7—e6

Если 5... e5, то, разумеется, 5... Фa5+и 6... Ф: e5.

6. Kd4—b5 Kb8—e6
d7—d5

Чаше здесь черные играют 6... Сb4 или a7—a6. Ход, примененный в этой партии, в настоящее время почти не встречается.

7. Ce1—f4 e6—e5
8. Cf4—g5 a7—a6
9. Cg5: f6

Саншюк поспешно. Белые считают, что подучавшиеся после разгрома славяне черных пешек на линии f, им, белым, на руку. На самом же деле черные после этого быстро получают непоухую и свободную игру.

10. g7: f6 g7: f6
11. Kb5—a3 b7—b5
12. Ke3—d5 f7—f5!

Черные активно развивают свою игру. Но этот ход, являющийся к основной своей цели, хранит в себе еще и скрытый пока сюрприз.

12. e1: f5 Cc8: f5
13. Cd1—f3

Казалось бы, сильный ход. Белые грозят побить черного слона и создают крепкую угрозу королю е6. Похоже, что у черных нет удовлетворительной защиты от этих смертельных угроз. Но...

13. ... Ке6—d4!

Черные сами, как будто, идут навстречу идее нам белых, предоставляя для их наступления еще большие возможности, чем сами белые предполагали.

14. Kd5—e7+ Фd8: e7
15. Фb3: a8 Kpe8—e7
16. e2—e3 b5—b4.
17. e3: b4

К быстрой гибели привело бы 17. e3 из-за форсированного марша черной пешки b 4. 17... b 4 и т. д.

17. ... Фc7—b6!

Тихий и мало заметный ход, взрывающий всю и без того уже шаткую позицию белых.

18. Cf1—a6

Что же еще делать?

18. ... Фb6: b4+

19. Kpe1—d1

Не спасает от неизбежного и 19. Kpe1. На это последует: 19... Фd2 20. h3! (при другом ходе, например 20. Ле1, будет 20... Cd3+—1. С: d3 Ф: d3+—22. Kpf1 Ke2—23. Kpf1 Kf3+—24. Kpf1 Фf1+—25. Лf1 Ke2) Cd3+—2. С: d3 Ф: d3+—22. Kpf1 Ke2+—23. Kpf2 Сb6! 24. Ф: h8. Теперь черные дают мат в несколько ходов: 24... Cf4+—25. g3 С: g3+—26. Kpf2 Kf4+—27. Kpf1 Фе2+—неизбежным матом.

19. ... Фb4—a4+
20. Kpd1—e1 Фa4—a5+
21. Kpe1—d1

Незакз 21. Kpf1 из-за Cd3+.

21. ... Cf8—h6!

Последний удар! Хотя черные великодушно „жертвуют“ свою последнюю ладью, белые ее бить не могут, так как сразу же получают мат (22. Ф: h8 Фd2). Белые дают „предсмертный шах“:

22. Фа8—b7+ Kpe7—f6
23. b2—b4 Фa5: a3

Белые сдались, так как от мата спасения нет.

Перепиcка с читателями.

Н. Воробьеву (Москва), П. Кузнецову (Москва) и В. Мальцеву (Свердловск). Благодарим за присланный материал. Он будет использован в ближайших отделах.

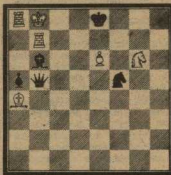
Л. Ануфриеву. Если вы уже достаточно знакомы с основными правилами (ходы, notation и т. д.), то можете перейти к „Учебнику шахматной игры“ Ласкера. Его можно достать в любом магазине ГИЗа. Правда, он довольно дорог. Но есть и более дешевые книги. Из них легче всего достать отдельные выпуски „Библиотек шахматиста“, рассказывающие о дебюте (так называется начало партии) и других частях партии. В ближайшее время мы на этом вопросе остановимся подробнее.

А. Кузнецову (Москва). Одной задачей, как видите, воспользовались. В записке же второй таква путаница, что ничего нельзя понять. Приведите ее снова.

Н. Житомырскому (Томск). Задача будет использоваться с некоторыми изменениями,—в сторону большей экономичности.

Задача № 5.

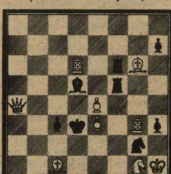
А. П. Кузнецов (Москва).
(Печатается впервые).

Мат в 2 хода.

Задача № 6.

А. А. Вайнштейн (Москва).
(Печатается впервые).

Мат в 2 хода.

Задача № 7.

М. Уткин (Москва).
(Печатается впервые).

Мат в 2 хода.

Политические заключенные на прогулке во французской тюрьме: Пусси

В колодцах тюрем не утопить революцию!

ФОТО Е. ИГНАТОВИЧ

ТРАКТОРИСТЫ

Вы, работающие на полях социалистического земледелия, должны бороться за то, чтобы их урожайность превышала урожайность полей дании, канады и аргентины. Используйте каждый трактор, каждый сельскохозяйственный механизм так, как не снилось капиталистам.

из обращения ЦК ВЛКСМ